

В. П. НИКИТИН

«КУКУШКИНА»
(ПАМЯТИ А. М. РЕМИЗОВА)

Воспоминания

Публикация Н. Ю. Грякаловой

7 августа 1921 г. А. М. Ремизов навсегда покинул Россию и после непродолжительного пребывания в Берлине «заехал в Париже», приехав туда 5 ноября 1923 г.¹ Ремизову, ощущавшему свое бытие писателя-эмигранта как «расколотое», особенно близким становится жанр автобиографического повествования, в котором его собственные жизнь и творчество предстают в нерасторжимой связи с историей русской культуры и языка. «Сложная многоголосая структура первоначального периода его творчества,— пишет итальянская исследовательница творчества Ремизова,— сменяется в европейские годы монологическим повествованием, объединяющим автобиографию и дневник, историческую эпопею и изложение снов, пересказ легенд и сказок, литературную критику и рассказы, письма и рисунки».²

Мир, увиденный «подстриженными глазами», не заслоняет, однако, реальных лиц и событий, о которых рассказывает автор. Один из постоянных персонажей автобиографической прозы Ремизова 1940—1950-х годов — В. П. Никитин, «бывший урмийский консул, почетный легион и все персидские наречия от древнего пехлеви до современной арабской прослойки, эмир обезвельвопала».³

¹ Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Paris, 1981. С. 7.

² Д'Амелия Антонелла. «Автобиографическое пространство» А. М. Ремизова // Ремизов А. Учитель музыки. Каторжная идиллия. Paris, [1983]. С. V.

³ Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж, 1953. С. 158.

Василий Петрович Никитин, автор публикуемых воспоминаний, известный ученый-ориенталист, профессор Школы восточных языков, родился 1 января 1885 г. в Сосновце (Польша). По его собственному признанию, он рано увлекся Востоком и рано сделал свой профессиональный выбор, поступив в 1904 г. в Лазаревский институт восточных языков в Москве.⁴ С 1915 г. Никитин на дипломатической службе, являясь секретарем генерального консульства России в Персии. В июле 1919 г. он переезжает в Париж, навсегда связав свою жизнь с Францией. Как ориенталист Никитин посвятил себя изучению Ирана, его истории, культуры и литературы. Большую известность принесли Никитину его работы о курдах, поставив его имя в первый ряд мировой курдологии. Обобщающий труд Никитина в этой области «*Les Kurdes. Etude sociologique et historique*» (Paris, 1956)⁵ освещает проблемы происхождения курдов, их религиозных верований, касается лингвистических и социально-этнографических аспектов курдологии. Особую группу работ составляют статьи, рассматривающие историю дипломатических отношений стран Ближнего Востока и Европы.⁶ Несомненный интерес представляет его статья-очерк «Русский дервиш» о пребывании В. В. Хлебникова в Иране, опубликованная в Тегеране в 1955 г.⁷ В 1924 г. Никитин стал членом Азиатского общества в Париже и активным сотрудником его печатного органа «*Journal Asiatique*», в 1933 г. — иностранным членом Польского ориенталистического общества, сотрудничая одновременно в его печатном органе «*Ročník orientalističný*». Он являлся также членом Международного антропологического института, действительным членом Международной дипломатической академии.

В 1920-е годы в Париже Никитин сближается с группой деятелей евразийского движения, сторонники которого пытались объяснить произошедшие в России революционные события самобытностью ее духовного уклада и исторического пути, а также особенностями географического поло-

---

⁴ Биографические сведения почерпнуты из статьи: *Nikitine V. Mes reminiscences polono-orientales (Notes autobiographiques)* // *Folia orientalis*. Kraków, 1960. Т. II, Fasc. 1—2. S. 153—176. В этом же издании помещен некролог Никитину (с. 211—213). В. П. Никитин скончался 8 июля 1960 г.

⁵ На русском языке: *Никитин В. Курды*. Пер. с франц. М., 1964.

⁶ Библиографию работ Никитина см.: *Pearson J. D. Index Islamicus. 1906—1955*. Cambridge, 1958; *Idem. 1956—1960*. Cambridge, 1962.

⁷ См.: Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову. Публикация В. Ф. Маркова // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1982. Bd. 10. S. 432.

жения (между Востоком и Западом).⁸ В своих автобиографических заметках Никитин писал: «Я охвачен евразийскими пространствами <...> Среди моих немногочисленных русских сочинений мое любимое — „Иран, Турция и Россия“, сочинение, в котором я подчеркиваю евразийские черты нашего национального характера: турецкая кочевническая простота, богоискательство. И моя статья „Ритмы Евразии“.⁹ К кругу евразийцев в середине 1920-х годов был близок и А. М. Ремизов, знакомый с многими из них еще по Берлину.¹⁰ Вероятно, в этом окружении и состоялась его встреча с Никитиным.

В 1935 г. Ремизовы переезжают на ул. Буало, дом 7, на свою последнюю квартиру, где их соседом оказался Никитин, что закрепило бывшее знакомство. Никитин — среди постоянных посетителей Ремизова; более того, каждое свое посещение он со свойственной ему скрупулезностью фиксирует в записях, составивших своеобразную «ремизовиану». «С 1943 по 1953 я регулярно вел записи моих посещений у А. М. Ремизова, — отмечал Никитин. — Эта *Remizoviana*, за 10 лет, находится в Нью-Йоркском архиве эмиграции.¹¹ Болезни, как А. М., так и мои, нарушили установившийся за долгие годы порядок наших отношений. Я перестал бывать ежедневно <...> Теперь как будто опять налаживается возможность встречаться по-прежнему и вести записи о наших беседах».¹² Эти многолетние записи Никитина — неоценимый биографический материал для изучения окружения Ремизова в годы его парижской эмиграции, интересов и пристрастий писателя в последний период его жизни.

Никитин стал вдохновителем и постоянным участником «восточных бесед», проходивших на квартире Ремизова по четвергам. Знаток Ближнего

---

⁸ У истоков евразийства стояли Н. С. Трубецкой и Г. В. Флоровский, затем к нему примкнули Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский, С. Я. Эфрон; с 1925—1926 гг. идейным руководителем движения становится А. П. Карсавин. По словам Ф. А. Степуна, это были «славянофилы эпохи футуризма» (Степун Ф. А. Об общественно-политических путях «Пути» // *Современные записки*. Париж, 1926. Т. 29. С. 445).

⁹ *Nikitine B. Mes reminiscences polono-orientales*. S. 175.

¹⁰ Журнал «Версты», один из печатных органов евразийцев, издавался при ближайшем участии Ремизова и охотно публиковал его произведения. В 1926—1928 гг. вышло три номера журнала. См.: *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov*. Etablie par H. Sinany. Paris, 1978. P. 155.

¹¹ См.: *Sinany H. Archives de L'Université de Columbia (New York) relatives Aleksej Remizov* // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Paris, 1976. Т. 17. P. 113—123.

¹² См. «*Remizoviana*. 1956»: ИРАИ, ф. 256, оп.-2, № 42, л. 1. В Рукописный отдел ИРАИ Никитиным были переданы записи за 1954, 1956 и 1957 гг.

Востока, эрудит, умелый рассказчик, он заражал присутствующих своей увлеченностью. Н. В. Резникова писала Никитину 1 октября 1954 г.: «Я была у А. М. вчера — без Вас наши четверги пусты и унылы, и мы ждем не дождемся восстановления нашей традиции — четвергов с путешествиями на Восток и в века».¹³ Ремизов был душевно привязан к Никитину. «Дорогой Василий Петрович! — обращался он к нему в письме от 11 сентября 1954 г. — Все жду вас. Без вас пусто в Кукушкиной. И спросить некого. И рассказать некому».¹⁴ Для него Никитин — высший авторитет в области этимологии,¹⁵ которая всегда была притягательна для Ремизова с его пристальным интересом к слову и его истокам.¹⁶ Он консультировался у Никитина по поводу разного рода памятников персидской и арабской литературы и фольклора, а также исторических реалий, спрашивал совета,¹⁷ просил принести нужные книги.¹⁸

Ремизов питал почтение к учености Никитина и, поздравляя его с днем именин, писал со свойственной ему словесной изобретательностью и этимологическими экскурсами: «В какой отмеченный день Вы родились: в навечерие Васильева дня в полночь разговаривают звери. Вот откуда Ваш жребий — слово и книга. А Ваша пытливость к загадкам. Не разгадан в закличке Велесовых (Васильевых) книг песен припев: Таусень-Таусень. Новогодний Василий недавнее, а Таусень кликала Ольге Малуша. Эту закличку, я

---

¹³ ИРЛИ, ф. 256, оп. 4, № 18, л. 1. Ср. также в письме от 5 сентября 1955 г.: «Я надеюсь застать Вас и А. М. здоровыми — надеюсь на продолжение наших мирных и содержательных восточных бесед» (там же, л. 6).

¹⁴ ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 7, л. 7.

¹⁵ В письме от 3 октября 1954 г. он спрашивал: «Откуда у нас чай? Чану соответствует котел. У Ушакова нет. Буду Вам очень благодарен» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 7, л. 9). Ср.: «Нашел смешное слово „фуфлыга“ — Сам Эмир не знает, что это значит» (*Кодрянская И.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 104).

¹⁶ Постоянно интересуясь этимологией своей фамилии и создавая вокруг нее мифопоэтический ореол, Ремизов учитывал и возможные восточные ассоциации, но-видимому проконсультировавшись по этому вопросу у Никитина. Ср.: «Из колынок меня заняли древнейшие песни: и по времени и по имени: о ремезе-птице. Есть таинственная птичка и имя не простое: по-арабски „ремэ“ — „тайна“» (*Ремизов А.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 333). Ср. в настоящем издании «Приложение» — статью В. П. Никитина «Объяснительное слово к „Суфийной мудрости“» (С. 303—306).

¹⁷ См., например, в письме к Никитину от 11 сентября 1954 г.: «Что посоветуете, какое имя? <...> Зебраф вышел из дещаного холма — сын солнца. Душой себе он выбрал ручей. Какое имя (женское) соответствовало бы Зебрафу?» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 7, л. 7).

¹⁸ В письме от 17 декабря 1948 г. Ремизов обращался к Никитину с просьбой взять для него книгу «История семи мудрецов», вып. I и II (ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 7, л. 1).

уверен, Вы слышали».¹⁹ Проникновенные страницы посвящены Никитину в книге Ремизова «Мышкина дудочка», где раскрываются не только привлекательные черты личности ученого, но и «восточнические» пристрастия самого писателя. «Я люблю Восток,— пишет Ремизов в главе «Оракул»,— а Персию особенно: мое пристрастие к каллиграфии — „Тысяча и одна ночь“ — Огонь — Заратустра — Мани <...> В Казани в мечетях меня принимали за своего, и я обряжался в туфли, как правоверный, с тибетскими ламами я не чувствовал себя „иностранцем“ <...> Мое восточное соединяет меня с нашим востоковедом „эмиром“ Василием Петровичем Никитиным, чудесником нашего Оракула и чернокнижником (Черными книгами²⁰ весь его подвал забит). Жил „Эмир“ на 4-м <...> а теперь на 8-м, выше некуда. В светлые ночи, после трудов, любитесь он на Париж, вышептывая любимые стихи Мохамеда Икбала²¹ из Лагора:

Долина любви очень далека, дорога длинная, но
свершение столетнего пути в одном вздохе мгновенно.
В поисках трудись и не выпускай из рук полы надежды,
богатство там, ты обретишь его в конце пути мгновенно.

<...> Его называют „марид“ — „дух отречения и изгнания“; возможно, что он и есть „марид“, но только добрый из маридов — „инфид“ <...> Он знает мое пристрастие к словам и чудесному — к тому, что не бывает, а только живет в человеческом желании,— к легендам, сказкам, вымыслам. Из каждого нашего свидания я всегда что-нибудь получаю чудесное и всегда жду персидской субботы».²²

Как становится известно из записей Никитина, он знакомил Ремизова с образцами арабской поэзии,²³ с персяязычной прозой,²⁴ — все это нахо-

¹⁹ См. письмо от 13—14 января 1954 г.: ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 7, л. 5—5 об.

²⁰ В «Черной книге», написанной тайным шрифтом, изложена религиозная доктрина иезидов — курдской мистической секты.

²¹ Икбал Мухаммад (1873 или 1877—1938) — индопакистанский поэт и философ, писал на урду и персидском языке. Об интересе Ремизова к Икбалу см. в записи Никитина от 8 июля 1954 г. (ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 41, л. 24 об.).

²² Ремизов А. Мышкина дудочка. С. 69, 70. Ср. «Приложение».

²³ «Начиная приблизительно с августа 1955 я, несколько недель подряд, читал А. М. <...> первую главу „Арабесок“, моих воспоминаний, которые его, по-видимому, заинтересовали. Я начал уже и вторую главу, о пребывании в Лазаревском институте восточных языков, и прочел из нее включительно до рассказа о преподавании там арабского языка. Приведенные мною образчики арабской поэзии доисламской, Кастада Шанфара, а также поздней, Мутаннабия, А. М. нашел очень характерными, и я дал ему их копии» («Remizoviana. 1956»: ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 42, л. 1 об.). Рукопись мемуаров В. П. Никитина «Арабески: почему я стал восточником?» хранится

дило отклик в душе писателя и запечатлевалось в творческом сознании. В знак многолетней дружбы и общности интересов Ремизов получил в подарок книгу Никитина о курдах — плод его углубленных занятий Ближним Востоком — с надписью: «Мы часто беседовали о Востоке, эта книга о том же — от любящих Вас А. А. и В. П. Никитиных».²⁵

Интересно и немаловажно отметить роль Никитина в последних творческих замыслах Ремизова. Речь идет о подготовленной писателем книге «Павлиньим пером», основанной на обработке образцов восточного фольклора.²⁶ Возможно, замысел ее выкристаллизовался в период работы над «Повестью о двух зверях. Ихнелат» (Париж: «Оплешник», 1950), представляющей собой пересказ древнерусского памятника «Стефанит и Ихнелат» в редакции XVII в., имеющего индийские («Панчтантра») и арабские («Калила и Димна») источники.²⁷ Есть все основания предполагать, что по-

---

в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк), см.: Russia in the Twentieth century. The Catalog of the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Boston; Massachusetts, 1987. P. 71.

²⁴ Ср. запись от 21 июня 1956 г.: «... я прочел А. М. из книги „Рассказы персидских писателей“. А. М. — „хорошо сделано!“» («Remizoviana. 1956», л. 16—16 об.).

²⁵ Приведена в записи Никитина от 20 января 1957 г. («Remizoviana. 1956», л. 24). А. А. — Лаура Леандровна, жена Никитина.

²⁶ Рукопись, подготовленная к печати, была впоследствии передана В. Б. Сосинским в ЦГАЛИ. См.: Ремизов А. Павлиньим пером. Сборник сказок. Машинопись, вырезки из газет, ксерокопии с правкой и пометами автора и В. Б. Сосинского // ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, № 20 (103 л.) и 21 (106 л.). Состав книги следующий: «Часть первая. 1. Присказка. 2. Под быком. 3. Чуткур. 4. Тигр. 5. Черный змий. 6. Алтан — золотое слово. 7. Царь зайцев. 8. Кошка-подвижница. 9. Мышонок. 10. Журавлиная мудрость. 11. Пификово сердце. Часть вторая. 1. Повесть о Петре и Февронии. 2. Повесть о Аполлоне Тирском. 3. Царь Аггей. 4. Авраам. Часть третья. I. Басуркуны (тексты соответствуют вошедшим в сборник «Басуркуньи сказки». — Н. Г.). II. Шакал. Сказ кабийский. 1. Дрозд. 2. Кабаниха. 3. Лев в сапогах. 4. Рябка. 5. Песнь шакала. 6. Ловушка. 7. Коза. 8. Воль. 9. Еж. 10. До дна. III. Заяц. Сказ тибетский. 1. Заячья доля. 2. Заяц — добрый. 3. Разные зайцы. 4. Заячий указ. 5. Злой заяц. 6. Звериное дерево. IV. Суфийная мудрость. 1. Из-под овечьей шерсти. Грешник — пьяница — дитя — женщина. Негр. Рабийя. Хромой толкачик. 2. Сказание о шейхе Базиде. Отмеченный. Праведная увертка. Неведение. Самоотречение. Откровение. В пламени. Не выдержал. Легкомыслие. Собака открыла глаза. 3. Зун-Нун. Подвижник. Слепая птица. Целитель. Колецо. Колдовство. 4. Жельв и утки. 5. Халифат и Имамат. Предисловие. Имамы. 1. Джафар Садэг. 2. Бишр Хафи». В книгу должно было войти в качестве предисловия к четвертому разделу третьей части «Объяснительное слово к „Суфийной мудрости“, написанное В. П. Никитиным (см. «Приложение»).

²⁷ См.: Лурье Я. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнелат» // Русская литература. 1966. № 4. С. 176—179.

моиъ в работе Ремизов получал от Никитина.²⁸ В письме к Н. Кодрянской от 9 августа 1947 г. Ремизов делился своими впечатлениями от «восточных» бесед с Никитиным: «Никитин рассказывал о Панчатантре (перевод с французского). Рассказывают два шакала о зверях. Оказывается, есть персидские павлиньи сказки, и есть попугайные — монгольские».²⁹ Подтверждает факт творческого сотрудничества и свидетельство Кодрянской: «Материалы Алексею Михайловичу доставал и переводил с арабского и персидского его долготелный друг и сосед ориенталист В. П. Никитин. Эти сказки вошли в сборник „Павым пером“, последнюю книгу Ремизова, подготовленную им к печати».³⁰ Именно персидские сказки и дали название книге, возможные варианты которого приведены в авторском примечании: «Книга написана павлиньим пером. Вариации в черновиках: 1) Павлинье перо. Деять сказок и татарская.³¹ 2) Павылм пером. 3) Павым пером(!). И еще один вариант: Павлиное перо».³²

Мемуаристы пишут также о задуманной Ремизовым книге «Суфийская мудрость»,³³ однако теперь, реконструируя замысел писателя на основании архивных разысканий, можно сказать, что речь идет об одной из частей книги «Павлиньим пером».³⁴ В примечании В. Б. Сосинского отмечено, что писатель работал «по персидским источникам (материалы, сообщенные

---

²⁸ В письме к итальянскому слависту Ло Гатто от 8 мая 1953 г. Никитин сообщал о Ремизове: «Он всегда очень интересовался Востоком, благодаря чему мы смогли вместе изучить некоторые рассказы XVII столетия восточного происхождения, хотя они проникали в Россию западным путем — польским и чешским» (письмо В. П. Никитина к Ло Гатто (на франц. яз.) (отпуск) см.: ИРАИ, ф. 256, оп. 4, № 14, л. 1). Речь идет о работе над новеллистическим сборником XVII в. «История семи мудрецов», арабским прототипом которого является «Книга Синдбада».

²⁹ См.: *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. С. 69.

³⁰ *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 112.

³¹ Этот вариант названия указан в списке книг, представленных Ремизовым в «Опелешник» (анонс в «Мышкиной дудочке», 1953 г.).

³² ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, № 20, л. 1. Подборка сказок под заглавием «Павлинье перо» (1) Присказка; 2) Под быком; 3) Чуткур; 4) Тигр) была опубликована в 1955 г. в журнале «Возрождение».

³³ По словам Н. Резниковой, в книгу должны были войти «сказанья секты Суфи, тексты которых переводил с персидского сосед, востоковед В. П. Никитин» (*Резникова Н.* Огненная память. Воспоминания об Ал. Ремизове. Berkeley, 1980. С. 142).

³⁴ Более точно Н. Кодрянская, когда сообщает: «В 1956 году Алексей Михайлович (...) работал над суфийской мудростью. Из этого материала зазвучат на русские лады сказки» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 112). Ср. в авторском примечании к сборнику: «Предлагаемые сказки пишу по материалам книги — монгольские, санскритские, арабские. Из затаенных веков доносит мне голос, и переговариваю по-русски — русскими ладами» (ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, № 20, л. 4).

В. П. Никитиным)». ³⁵ Сюда вошли жизнеописания знаменитых суфиев («Рабийя», «Хромой толкачик», «Сказание о шейхе Баязиде», «Зун-Нун»), рассказ в жанре назидательной истории о достопамятных встречах Хасана Басрийского («Грешник — пьяница — дитя — женщина»), персидская версия басни из «Калилы и Димны» («Жельв и утки»), эпизоды из жизни главы магометанских тайновидцев («Джафар Садэг»), изречения западно-халифатского аскета Бишра Босоногого («Бишр Хафи»).

Обращаясь к фольклору Востока и пантеистической теософии суфизма, Ремизов продолжал поиски — те поиски, которые определили его писательскую оригинальность, — глубинных оснований для диалога разных культур, в данном случае Востока и Запада, и находил такую объединяющую основу в фольклорно-мифологическом и религиозно-мистическом сознании.

Всю жизнь Ремизов размышлял о природе художественного творчества, его первоосновах. Как писателя его привлекали те особые состояния сознания, когда уравниваются и влияют друг на друга сон и явь, вымысел и реальность, когда грани между ними становятся зыбкими и взаимопроникаемыми, а мир открывается в новом, неожиданном свете. Достижение такого сумеречного состояния и пребывание в нем — необходимый момент творческого процесса. «Я люблю все, что не „реально“, — отмечал Ремизов. — Описание из „реальной“ жизни для меня как картофельная кожура. Или как упражнение в писательском ремесле». ³⁶ По его мнению, высказанному еще в 1903 г., «нужно высвободиться из-под налетающей пыли житейских впечатлений: И! — такие песни услышим, не „завянут уши“». Тогда и жизнь сама явится в ином виде — другим лицом». ³⁷ Отсюда и призыв Ремизова — «записывайте свои сны», и его собственные многолетние записи снов. В главе «Сонник» неизданной книги «Мерлог» он объясняет причины своего интереса к сфере бессознательного. «Реальная жизнь, — пишет Ремизов, — ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение проникает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляются чувство „свободы“ и сейчас обнаруживаются чудеса „совместности“ и „одновременности“ действия, немислимые в дневном состоянии (...) Наблюдение над снами имеет практическое применение: сны по своей пре-

³⁵ ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, № 21, л. 209. См. «Приложение».

³⁶ Кордянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 96.

³⁷ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. Подготовка текста и комментарии Антонеллы д'Амелия // *Europa Orientalis*. Roma, 1985. Т. 4. S. 162.

рывности и связанности с бодрствованием „предсказывают“ и „открывают“ будущее». ³⁸

Учитывая постоянное внимание Ремизова к «пограничным» состояниям, к потасненным законам сна и памяти, ³⁹ к передаче интуитивного опыта в слове, можно объяснить его интерес к суфизму — мистическому течению в исламе, обогатившему мировую культуру высокими образцами философской и любовной поэзии. Путь мистического познания Истины в суфизме предполагает высвобождение внутренних сил души, благодаря чему возникает особое видение реальности «глазом сердца» и ощущение ее «чувством ума». ⁴⁰ Следующая стадия мистического опыта — видение Бога; в этом состоянии суфия называли человеком с двойным зрением, ибо ему открывалась, с одной стороны, абсолютная сущность, с другой — безграничное разнообразие явлений. Кратковременность, точнее «вневременность» мистического озарения («хала»), в момент которого и происходит чаемое слияние суфия с Богом, ⁴¹ вызывала трудность передачи в слове этого тончайшего психологического переживания. В суфийской лирике возникает изощренный язык символов (своеобразная «заумь») как «замещенный» язык божественного общения. На мистифицированном языке эротической поэзии велся разговор о богатстве интуитивного знания, о блаженстве самозабвения, о достижении подлинного бытия и в конечном счете о непосредственном явлении божественной сущности. ⁴²

---

³⁸ Ремизов А. М. Неизданный «Мерлог». Публ. Антонеллы д'Амелия // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1987. № 3. С. 229—230.

³⁹ Ср.: «О смерти Авраама я читал в апокрифах и мне приснился Авраам, вознесенный на небеса <...> По моему жаркому чувству, я как бы находился эту минуту с Авраамом <...> Та же острота чувства и яркость видения мне говорят, что я был среди демонов в „войнстве“ Сатанаила, в <...> крестный час смерти Христа <...> я провожал Петра, когда пропел петух, и раскаяние выжгло мои следы <...> Я с Николаем прошел всю русскую землю и путями друидов от Нанси до Нанта» (Ремизов А. Мартын Задека. Сонник. Париж: «Оплетник», 1954. С. 95). Показательно, что эту способность Ремизова к «ясновидению» и мысленному перевоплощению Никитин сопоставлял с мистическим опытом мусульманских шейхов. Ср. у Ремизова: «Глаз — на Восток — там родина снов и сонников (снотолкований)» (Ремизов А. М. Неизданный «Мерлог». С. 229).

⁴⁰ См.: Степаняну М. Т. Философские аспекты суфизма. М., 1987. См. также: Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. М., 1989.

⁴¹ Ср. у Ремизова в «Сказании о шейхе Баязиде»: «Баязид Бистами, персидский шейх суфи 10 века из Бестама. Баязид достиг состояния „аль-фана-фи-Алля“ — исчезновения в Боге, слияния с Ним. Это высшая ступень исламской мистики, соответствует нирване браминов Индии» (ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, № 21). См. «Приложение».

⁴² См.: Бертельс Е. Э. Основные моменты в развитии суфийской поэзии // Восточные записки. Л., 1927. Т. 1. См. также: Бертельс Е. Э. Избр. труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.

Экзотический мир Ближнего Востока, знакомый с детства по сказкам «Тысячи и одной ночи», теперь открылся взору писателя своими новыми гранями, в чем, несомненно, сказалось общение с Никитиным. Пересказ на «русский лад» восточных сказок и назидательных историй, осуществленный Ремизовым в книге «Павлиньим пером», не может рассматриваться лишь как стилизация. Вхождение в новую культурную ситуацию предоставляло писателю новый материал для осмысления природы художественного творчества именно в том направлении, которое он избрал в молодости и которого последовательно придерживался на протяжении своего долгого пути художника. Создаваемая им «субъективная реальность» возникает как особая «зона перехода» между разными сферами сознания (рациональное и иррациональное), разными типами художественного творчества (фольклор и литература). Ремизов интересовался «следами» культур прошлого в современности, художественно-языковой и духовной напряженностью между ее различными состояниями и традициями (Восток и Запад).

Увлеченность Ремизова фольклором, древнерусской книжностью, языком допетровской Руси спускала ему репутацию писателя-стилизатора, «архаиста», работающего на специфическом русском материале. Однако взгляд на творчество Ремизова в целом, включая его прозу эмигрантской поры, свидетельствует, что писатель пытался понять сверхнациональные основы культуры. И поэтому укорененность в русском языке и культуре не мешала ему тонко воспринимать культуру Запада не только в классических образцах, но и в современных ее проявлениях.⁴³ И разве не закономерно признание Ремизова французской литературной элитой, внимание к нему ученых-славистов, каким был удостоен писатель на склоне лет?

Воспоминания Никитина воссоздают бытовую сторону жизни Ремизова. Но эта сторона неотделима от его писательского бытия и от той игро-

---

⁴³ Ср. мнение Н. Резниковой: «...среди русских писателей трудно назвать кого-нибудь, кто бы так глубоко знал и понимал культуру Запада, как Ремизов. Он прекрасно разбирался в различных течениях в искусстве и мысли Запада, включая самые современные, никогда не застывал на месте и с жадным интересом прислушивался к новому» (*Резникова Н. Огненная память. С. 62*). Ср. полемически заостренное, но не лишнее оснований суждение Н. Ульянова: «Ремизовская манера „выражаться по-русски“ наибольшим успехом пользовалась, кажется, у французов, узревших в ней кладезь своего французского „сюрреализма“. Давно уже нам ясно, что никаким учеником Авакума и Епифания он не был, а был захвачен литературным анархизмом начала XX века — Андреем Белым, Пименом Карповым, Крученых, Хлебниковым, Бурлюками. Знаменитый его синтаксис и словотворчество — отсюда. А кикиморы, куринасы, коловертыши, гори-цветы, яркулы, шеломайки, русальный гуд — все это маскировка под народность. Народные говоры и допетровскую письменность превратил он в колонию, в источник сырья для футуристической промышленности» (*Ульянов Н. Свиток. Нью-Хэвен, 1972. С. 51*).

вой стихии, в которой он жил и творил. Тип жизненного поведения, избранный в соответствии с созданным самим писателем образом сказочника, чудака,⁴⁴ он не изменил и в годы эмиграции. Где бы он ни жил — в Петербурге,⁴⁵ Берлине⁴⁶ или Париже,⁴⁷ — он сохранял сказочно-игровой антураж своего бытия. «Кукушкина» — комната, давшая название мемуарам Никитина, стала местом, где писатель прожил больше 20 лет, где были написаны его последние книги и где он закончил свои дни.

Текст «Воспоминаний» печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе ИРЛИ в фонде А. М. Ремизова (ф. 256, оп. 2, № 44). В качестве приложения публикуется статья В. П. Никитина «Объяснительное слово к „Суфийной мудрости“», которая печатается по копии (отпуск), хранящейся в фонде А. М. Ремизова в ИРЛИ (ф. 256, оп. 4, № 1).

---

⁴⁴ См.: *Синявский А.* Литературная маска Ремизова // *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer.* Ed. by G. Slobin. Slavic Studies. Columbus, 1987. Vol. 16. P. 30.

⁴⁵ См., например: *Волошин М.* Алексей Ремизов. «Посолонь» // *Русь.* 1907. 5 апреля (вошло в кн.: *Волошин М.* Лики творчества. Л., 1988. С. 508-515); *А.* В волшебном царстве. А. М. Ремизов и его коллекция // *Огонек.* 1911. № 44. Приведем описание последней петербургской квартиры Ремизова из неопубликованных воспоминаний В. В. Смиренского: «Стены большой, квадратной комнаты раскрашены пестро и причудливо. Вдоль комнаты протянута нитка, на которой висят, покачиваясь, обезьянки, пауки и всякие чудища. В одном углу, наиболее ярко раскрашенном, в симметричном порядке развешаны игрушки: тут тоже обезьянки, палочки, хвостики, какие-то цветные камни. Одна стена сплошь занята книгами. На столе хозяина с исключительной аккуратностью разложены альбомы и рисунки, крошечные книжечки в старинных цветных переплетах, рукописи. Здесь же, на краю, стоит большой деревянный ящик, в который бережно сложены окурки.

— Когда нечего курить,— объясняет Алексей Михайлович, заметив мой несколько удивленный взгляд,— пригораются и окурки. А без курения трудно работать! <...>

— И стены вы сами раскрасили? — спрашиваю я.

— Не место красит человека,— усмехаясь, отвечает Ремизов,— а человек место. Я эту пословицу помню и потому крашу свое место всегда сам» (ГПБ, ф. 1049, № 3. л. 1, 2).

⁴⁶ См., например: *Алексеев Глеб.* Живые встречи. Берлин, 1923. С. 5.

⁴⁷ См., например: *Arland M.* L'écrivain russe Remizov continue à tisser ses rêves // *Figaro Littéraire.* 1954. 23 janvier; *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов С. 120; *Рутан А.* А. М. Ремизов. По воспоминаниям 1948—1957 гг. // *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer.* P. 104.

Воспоминания.

Я не сторонник посмертного разглашения повседневных подробностей о жизни покойного писателя, изображаемого «в туфлях». Подобные мелочи вряд ли помогают в оценке его творчества. В лучшем случае они позволяют узнать вкусы и привычки ушедшего, в худшем тут дело в пустой болтовне и сплетнях. Автор подобных описаний, подчеркивая свою близость к известному писателю, заботится прежде всего о себе, дает понять, как его оценил писатель, откровенничая с ним.

Но, несмотря на мое отрицательное отношение к подобным упражнениям, мне почему-то кажется, что несколько страниц о квартире и комнате, в которой Алексей Михайлович провел больше двадцати последних лет жизни, могут представить некоторый интерес. А я лично как бы прощаюсь с «кукушкиной». Ее больше нет и никогда не будет.

Улица Буало, где в доме № 7 помещалась на II этаже (по-французски, а по-русски на III, так как мы ошибочно считаем этажом так называемое *rez de chaussée*,³ что на уровне улицы) квартира А. М. из трех комнат, носит свое название с 26 октября 1792 г. в память поэта, автора знаменитых «Сатир».¹ До того это была заурядная *rue des Garennes* — сиречь «кроличья», в тогдашней деревне Auteuil.

Усадьба Буало находилась на углу улицы Буало и (много позже проложенной) улицы Молитор, пересекая ее, по обе стороны, то есть в нескольких минутах ходьбы от № 7. Буало дружил с Мольером и Расином, но, так как он был у себя собственником долгие годы, они проживали в Auteuil не постоянно, в наемных квартирах, местоположение которых остается невыясненным. Принято только считать, что сохранившийся поныне под своим историческим названием ресторан «Auberge du Mouton Blanc» на *rue d'Auteuil* любил посещать Мольер.

В истории русской, пооктябрьской, эмиграции Auteuil является кварталом Парижа, где, кроме А. М., жили писатели: И. А. Бунин,² Мережковский с Зинаидой Гиппиус,³ Шмелев,⁴ М. А. Алданов;⁵ политические деятели: Н. Д. Авксентьев (председатель уфимского «правительства»),⁶ М. В. Вишняк (секретарь Учредительного собрания),⁷ М. М. Вишавер⁸ и много других, менее известных, рос-

---

³ первый (цокольный) этаж (*франц.*).

сиян. Об этом и посейчас свидетельствуют две церкви: Знамения Богородицы, Boulevard Etelmans, 87, признающая патриарха Константинопольского, и Православно-Вселенская (русско-католическая, под главенством Папы римского) на rue F. Gerard. А. М. справлял ежегодно панихиду по своей жене⁹ у Знамения, но его самого отпевали в церкви Трех Святителей Московской патриархии, на rue Pétel, что в XV arrondissement, по ту сторону Сены.

Что же касается пищи не духовной, ее поставлял гастрономический магазин братьев Сухановых,¹⁰ со всякой русской снедью и соответствующими напитками; такая же лавка под фирмою «Vita» и франко-русский ресторанчик Касьяныча, на rue Michel Ange. Гастрономические продукты, когда набегали деньжата или приносили друзья, забирались у Суханова. Там, особенно под большие праздники, народу ступа непротолченная. Лакомились не одни русские, но и французы. На семгу и икру все падки!

Я набросал фон, на котором протекали дни, месяцы и годы А. М. Должен тут же оговориться, что он, особенно за последнее до кончины время, почти что не выходил из дому, «на волю», по его словам. Разве что как-нибудь «африканский доктор» (Унковский)¹¹ выводил его на прогулку поблизости. Есть, между прочим, фотография, по-моему одна из удачных, где А. М. снят со своей белой палкой слепого у мраморного бюста Л. Н. Толстого, в сквере этого имени, у Сааковского поля.¹²

В годы немецкой оккупации Парижа я часто сопровождал А. М., когда он около полудня ходил в ресторан «Coral», где на кухне, куда он пробирался с заднего хода (А. М. смеялся над одним французом, знавшим русский язык, но ошибавшимся: «с заднего прохода»), русский повар великодушно наполнял его манерку («горячим» (суп, по-московски), в котором иногда оказывался и кусочек мяса. Ресторан, под неожиданным, южноафриканским названием «Coral» (если я не забыл Майн Рида и буров, оно обозначает загон из колючек для скота), был заведением весьма подозрительным, широко отворявшим двери гитлеровской солдатне, распоясавшейся еще у входа. А на оголенной бляхе — Gott mit uns.⁶ По утрам они отбивали шаг сапожищами и будили нас, выкрикивая что-то воинственное. «Законом для скота» заведовала какая-то не то латышка, не то эстонка. Она закрывала глаза на поведение повара, но в один, далеко для А. М. не прекрасный день, почему-то запретила ему впредь подкармливать голодающих соотечественников.¹³

---

⁶ с нами бог (нем.).

Пора, однако, по существу. О «кукушкиной». Двери квартиры А. М. чаще всего оставались открыты. На них был прикреплен кушечек синей, плотной бумаги с соответствующей надписью по-ремизовски (А. М. прекрасно писал вязью, лучшими образчиками его искусства являются выдававшиеся им грамоты «Об«ез»велволпала», т. е. «Обезьянней Великой Вральной Палаты»,¹⁴ члены которой имели «одни права, никаких обязанностей»; к ней принадлежал Горький). Иногда бывала приколотая белая бумажка, сообщавшая посетителю, что А. М. отсутствует, либо на прогулке, либо у кого-нибудь из русских в этом же доме (но у Н. Н. Евреинова,¹⁵ жившего тут же, А. М. не бывал), либо по делам, или у окулистки и т. п. Все эти бумажки находили затем свое место на левой стене коридора, за вешалкой и столиком, куда складывались №№ газеты «Figaro». А. М. был верным подписчиком, но ее не читал.

Направо от входа стенной шкаф («placard»), где в счастливые дни ютились бутылки вина и коньяка, приносимые лицами, знавшими вкусы А. М. Кроме этих питийных подношений А. М-чу сплошь и рядом вручалась пачка-другая папирос. Курил он нещадно, одну за другой, даже когда стал уже задыхаться («задох» одолевает), говоря, что курение помогает ему откашливаться! Упомянув бутылки, я вовсе не имею в виду пристрастие к ним у А. М. Но он любил «вспрыскивать» успехи друзей, когда мог и сам пригубить рюмочку, а то и бокал, если раскупоривалось шампанское или Asti sprumante в особо торжественных случаях.

От стенного шкафа проход в кухню, ванную и уборную. Когда А. М. был еще здоров и мог передвигаться, он обыкновенно кушал на кухне. В день его 70-летия помню там же Бунина. Он был не дурак выпить и закусить селедкой. То же и А. М. со мною. В дни панихиды по Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло, строго соблюдавшейся А. М-чем, в мае месяце, на кухне царило особое оживление, по возвращении из церкви (А. М-ча туда возил Чижов, он же Холмский, когда ежегодно устраивал вечера русских романсов, а также и присяжный парикмахер, когда стриг А. М-ча машинкой, той же, что свою собаку, шутил А. М.; Чижов, шофер, московский студент, поклонник Пушкина, о ком подобрал недурную библиотеку).¹⁶ По языческому обычаю справлялась тризна, иногда устраивались и блины, когда, например, писатель Ульянов¹⁷ прислал из Канады кетовой икры. Но обычно ограничивались бутербродами и чаем. Бывали блинчики. Гости (человек в среднем пятнадцать бывало на панихиде) топтались на кухне и в «кукушкиной», где от табачного дыма не продохнуть. А. М. все это было по

душе. Он любил поговорить и посмеяться с близкими. Однако он был очень недоволен, если в обыденные дни являлись неожиданные посетители. Вся неделя у него была точно расписана для определенных занятий, особенно в последние годы, для чтения добрыми душами, так как зрение его сильно ослабело. Это не мешало ему три-четыре раза перерабатывать текст машинописи, поручавшейся госпоже Гривцовой, в поэзии Горской.¹⁸

Но я опять отвлекся от моей темы, описания жилища. По правую руку, в коридор, который вел в «кукушкину», выходили двери двух комнат, почти что не жилых, где была кое-какая мебель, по главным образом полки с книгами, папками и журналами. Вторую комнату в свое время занимала Серафима Павловна, а после ее смерти (1943 г.) она пустовала, но сохраненная в том же виде, как при ее жизни. А когда состояние здоровья А. М. потребовало постоянно присутствия лица за ним ухаживавшего, в комнате Серафимы Павловны поселилась Ольга Владимировна фон Дервиз, по кличке «Утенок» или «Фурий» (когда А. М., бывший очень капризным, на нее сердился). А. М. скончался на ее руках.¹⁹

В конце коридора находилась кладовка (по-франц. — *débargas*) со всякой всячиной: одеждой, обувью, бельем и т. п. предметами первой необходимости. После освобождения Парижа от гитлеровской оккупации (август 1944 г.), когда возобновились почтовые сношения с внешним миром, к А. М-чу посыпались посылки из США, Мексики и чуть ли не Австралии. У него во всех концах русской Диаспоры были добрые знакомые и друзья. Посылки были со съедобным, но и с принадлежностями гардероба. Одно время в кладовке оказалось чуть ли не две дюжины штанов! Все это, как еду, так и штаны и прочее, что на потребу, А. М. раздавал друзьям. Сам он ограничивался необходимым, а из съестного многого и не любил (например, рис, чем, должен признаться, воспользовался пишуший эти строки, привыкший по Персии к плову). Когда прошел первый порыв доброхотных посылок и таможня стала взysкивать довольно высокие пошлины, А. М. забил тревогу и попросил прекратить этот вид помощи, обходившийся ему слишком дорого, не по карману.²⁰

И вот я, наконец, добрался до «кукушкиной», налево в конце коридора. Необычная комната с одним окном на улицу Буало, где против нашего дома находится гараж, содержимый русским же человеком, сибиряком силищи медвежьей. Рядом с ним была мертвецкая соседнего госпиталя (где скончалась Серафима Павловна, а

до нее умер друг А. М-ча философ Шестов).²¹ Стены этих, а также и угол нашего № 7, около которого выходило окно «кукушкиной», носили следы воздушной бомбежки (3. 6. 1940) Парижа итальянскими летчиками. От нее пострадал и сам А. М., раненый в голову осколками оконных стекол, о чем он упоминает в одной из своих книг.²² Почему итальянцы бомбардировали наш мирный квартал, не имевший никакого военного значения, мне не понятно. Разве что заодно с находящимся по ту сторону Сены автомобильным заводом Citroën, что несколько сот метров от улицы Буало по птичьему полету?

«Кукушкина» носила свое название по тому, что в ней находились часы с гирями и кукушкой, давно испорченные, хотя от времени до времени их заводили, по старой памяти, и кукушка невпопад куковала. Направо от входной двери помещалась кровать-диван. Покрывавшие ее одеяла именовались: тяжелое — слон, под ним легкое, вязаное, розовое — Оля. Около кровати стол, покрытый клеенкой, и на нем довольно большим шкафчиком красовался старомодный радиоприемник. А. М. любил слушать музыку и не стеснялся давать полный ход аппарату, чтобы какая-нибудь опера или симфония производила должный эффект. Не обходилось без протестов соседей, а как-то и сам А. М. должен был выносить пиликание на скрипке над своей головой, по поводу чего состоялась даже любопытная переписка. Это, в повседневном масштабе, иллюстрировало известное изречение А. М-ча: «человек человеку бревно...». Ближе к окну был другой стол, поменьше, письменный, за которым А. М. работал. На этом столе главным лицом, если можно так выразиться, была куколка в черном колпачке, по прозвищу Feuerhännchen («огневик»?), направо от сидения опиравшийся на коробку человек.²³ Судя по имени, А. М. привез его из Берлина, где он после высылки из России прожил, до переезда в Париж, года два-три.²⁴ В столе было два ящика, правый и левый. Каждый имел свое назначение для хранения денег и деловых бумаг, что А. М-чем строго соблюдалось. Кроме огневого человечка на столе были две пепельницы, будильник, банка с чернилами, голова негра, служившая прессом, и, конечно, жестянка из-под бисквитов, всегда полная папирос, и прочие вещи, которым место на писательском столе.

Однако не писательский стол, а то, что было над ним, заслуживает больше всего описания, а именно веревка, протянутая поперек «кукушкиной». Чего только на ней не было подвешено.

«Там, на неведомых дорожках, следы невиданных зверей. Избушка там на курьих ножках стоит без окон и дверей...». А. М.

войдет в историю русской литературы как большой, своеобразный писатель. Насколько я его знал, он прежде и больше всего сказочник и спотолкователь. Два качества, которые один ученый немец (они, как известно, и обезьяну выдумали) соединил под общим названием своего исследования, озаглавленного «Traum und Märchen», о чем случалось беседовать с А. М-чем.* Сказка порождена, имеет начало во сне. Немец приводит, как полагается ученому (иначе собратья могут высмеять, а то и заклюют), примеры главным образом из сказок тех народов, которые зовут Naturvölker. Я отсылаю желающих углубить затронутую тут тему к немецкой книге и воспроизводить эти доказательства не намерен. Упомяну лишь попутно, что в моих восточнических занятиях меня заинтересовал вопрос о роли сна у персидских мистиков и богословов.

Так или иначе, А. М. очень хорошо пишет о своем призвании сказочника в предисловии к сказкам Наталии Владимировны Кодрянской, чье дарование в этой области он оценивал высоко.²⁵ Все это попросилось под перо по поводу веревки, протянутой в «кукушкиной». Она своей неожиданностью вызывала удивление у лиц, впервые приходивших к А. М-чу. Да и нельзя не удивляться при виде подвешенных на ней рыбьих позвоночников с костями, напоминавших расчески; елочных украшений и разноцветных бархаток; замысловатого искривленного корня, почти что легендарной мандрагоры; человека из теста с изюминками для глаз (подарок моей жены); серебристой, прозрачной кожицы, сброшенной змеей, как ненужный чехол, весною... и т. п., и т. д.! Я, к сожалению, когда это можно было сделать, не удосужился составить подробный инвентарь всей этой ремизовской необычной коллекции, как и он сам — в его татарской тюбетейке и «шкурках» (этим названием обозначались всякие теплые кофты и жилеты, без которых А. М., очень зябкий, не обходился). А нос у него, как он сам говорил, чайником.²⁶ В иллюстрациях к сказке Н. В. Кодрянской «Глобусный человечек» художник Рожанковский в нескольких рисунках изобразил профиль «чайником» А. М-ча.²⁷

Сказанного о веревке в «кукушкиной» достаточно, чтобы читатель представил себе зрелище необычайное. Если он к тому же вообще знаком с творчеством А. М., то само собой ему приходит в голову мысль о всех тех кикиморах, леших, калечине-малечине, карпато-русских унырях и майках и прочей «нечисти», нашедшей в А. М-че своего бытописателя.

---

* По проверке в моей библиотеке, более точно: «Märchen und Traum, mit besonderer Berücksichtigung des Orients», von Georg Jacob. Hannover, 1923. Orient-Buchrandlung Heinz Lafaire. (Примеч. В. П. Никитина).

Недаром один досужий критик (таких господ А. М., видимо, очень раздражал, не подходил к обычному писательскому двору?) серьезно доказывал, с надлежащими цитатами, что А. М. Ремизов чуть ли не поклонник дьявола, а с чертом он, конечно, свой брат.²⁸ Для меня этот интерес А. М-ча к русской «демонологии», тесно связанный с нашими народными верованиями и сказочным творчеством, является лишним доказательством его исконной и коренной «русскости» уроженца Замоскворечья. Черта врожденная, ее не придумать. Благодаря ей как бы прикасаешься к родной языческой «матери-сырой земле». Если же этого чувства у вас нет, то вы станете бормотать что-то невразумительное о чертовщине, вроде упомянутого критика.

А что касается дьяволопоклонства, то об этом я, по своей восточнической специальности, разуверивал А. М-ча. Мы оба смеялись над зачислением его в ряды курдской секты иезидов.²⁹ Мне кажется, что на нее возвели много напраслины «правверные» мусульмане. В основе ее лежит верование в «Зло», без чего, приходится согласиться, — нам было бы недоступно дорогое нам понятие «Добра». Что же касается ночных радений, со свальным грехом, как в хлыстовстве, то эти «ужасы» я, как и некоторые другие восточники, отношу к клеветничеству господствующей в этих краях религии ислама. Закончу это отступление указанием, что наши закавказские курды принадлежат (теперь следует сказать «принадлежали»?) к этой секте, а среди новейших исследований о социально-экономической ее природе назову Л. Н. Котлова («Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке», изд. Академии наук, 1958).

Возвращаюсь, однако, в «кукушкину». Кое-что о снах. Следовало бы больше, так как, по словам А. М., он не мог себе представить жизнь без снов. Сны ему казались более действительной жизнью, нежели явь. Он их видел еженощно, всегда очень интересные, и, если не ошибаюсь, никогда сновидений не забывал и записывал.³⁰ Записи, надеюсь, сохранились в его бумагах. Он любил их рассказывать и рассказывал так же хорошо, как говоря о своих литературных намерениях. Более того, А. М. толковал многое из Гоголя и Достоевского как бы сквозь призму сна. Одна из последних его книг недаром носит название «Мартына Задеки».³¹

А. М. во сне вел разговоры со своими живыми или уже покойными собеседниками. Очень любопытно отметить по этому поводу в скобках, как я выше указываю, что многие шиитские мыслители³²

---

* Об иезидах позволяю себе сослаться на мою французскую книгу «Les Kurdes» édition de l'Imprimerie Nationale (Paris, 1956). (Примеч. В. П. Никитина)

отличались подобной же способностью, в такой степени, что если в их разговоре во сне с каким-нибудь имамом им, по пробуждении, что-нибудь казалось неясным, то, вновь пребывая во сне, они переспрашивали того же имама, который опять им снился, и получали от него должное объяснение.

Но «кукушкина» была не только спальней, но и рабочим кабинетом для А. М-ча. Против письменного стола с *Feuertischchen* у стены стояла узкая кушетка, с подушкой, где усаживались посетители. Хотя А. М. уже плохо различал людей, но предпочитал, чтобы они сидели перед ним, а не сбоку. Слышнее? — За спиной А. М. виселись ящики из-под мыла марки Lux, приспособленные очень удачно под библиотечные полки. Такие же ящики, в три этажа, были расположены вдоль левой от входа стены, между дверью и кушеткой. Кроме того, к кушетке примыкал небольшой столик, тоже весь в книгах. На нем лежали словари Даля и Ушакова, служившие для постоянных справок (хотя нужнее всего был бы Срезневский), и несколько записных книжек среднего формата, называвшиеся золотыми книгами (*livres d'or*). Каждый новый гость приглашался А. М-чем расписаться с указанием числа и адреса и что-нибудь нарисовать. Когда рисовал Добужинский, старый друг А. М. по С.-Петербургу («Бесовское действие», пьеса А. М-ча, была поставлена в его декорациях и костюмах),³³ навещавший его на rue Voïseau, то рисунок художника в объяснениях не нуждался, но чаще всего гости изображали по настоянию А. М-ча что-то весьма несуразное. Как бы то ни было, эти записные книжки останутся свидетелями ремизовского окружения за последние годы его жизни.

Я только что упомянул ящики из-под мыла, превращенные в книжные полки. А. М. получал немало книг от разных авторов, зачастую дебютантов, просивших *об* отзыве (я подчеркиваю *об*, так как А. М. считал, что так писать не следует, а всегда *о*, хотя бы и перед гласной; русский язык *об* не употреблял), кое-что покупал, но говорить о библиотеке по-настоящему не приходится. Мне не известно вообще, что случилось с его книгами, из-за моей болезни, совпавшей с предсмертными и посмертными днями А. М-ча. Перечислю тут только то, что мне припоминается. Основным фондом, если можно прибегать к этому внушительному термину, являлись разные истории русской литературы, десятка полтора книг русских, польских, английских, итальянских и немецких авторов. Они стоя-

ли в той же части своеобразного «книжного шкафа», что и сочинения самого А. М. (разумеется, не все, которых насчитывается 81, из них 37 написаны в России, с 1907 по 1921 г.).³⁴ Там же находились папки личного архива А. М. и экземпляры некоторых литературных иностранных журналов («Cahiers du Sud», «Nouvelle Revue Française» и т. п.), со статьями А. М. или о нем. У противоположной стены, на таких же полках и на столике у кушетки лежали новоприобретения, среди которых почетное место занимали «Н. К.» Гудзий и тома «Трудов Отдела древнерусской литературы», самое любимое чтение А. М-ча, с наслаждением погружавшегося в языковую среду XVI и XVII вв., в допетровскую Московскую Русь.³⁵ «Тут русский дух, тут Русью пахнет...».

Были, конечно, у А. М. и тома «Истории СССР», и всякие исследования по русскому языку. Он ведь считал, что «ходить по русской словесной почве» было его главным призванием (см. «Посолонь»)³⁶. Какие-нибудь монастырские поземельные тяжбы, посольские «сказки», перечень дьяков посольского приказа, показания Ваньки Каина — русская речь, не испорченная еще «неметчиной» или сохранившаяся в народном говоре, представляла особую прелесть для А. М. Я лично ему глубоко признателен за все, с чем он меня в этой области познакомил. Но, например, «Словом о полку Игореве» А. М. не восторгался из-за казавшейся искусственной (сусальной?) славянщины, зато «Голубиную книгу» и всякие религиозные сказы он изучал с любовью.³⁷ Нужно ли подчеркивать, что язык Аввакума стоял выше всего другого в глазах А. М-ча, посвятившего протопопу замечательные строки в «Летающем Демоне».³⁸ Добавлю, наконец, что А. М. широко пользовался книгами из библиотеки Школы восточных языков,³⁹ русский фонд которой отличается исключительным богатством, благодаря Paul Boyer, другу русских, долголетнему директору школы.⁴⁰ Профессор Pierre Pascal, преемник Р. Воуе по изучению русской культуры и литературы, много помогал А. М-чу в его сношениях с библиотекой школы. Не забуду упомянуть, что А. М. имел все тома «Grand Larousse Illustré», энциклопедического словаря, к которому он часто прибегал, так как хотел иметь обо всем, что встречалось, точное представление.

Там, где стены «кукушкиной» не были заняты ящиками с книгами, их поверхность была украшена кусками картона, расчерченными геометрическими рисунками и раскрашенными в темных тонах, с преобладанием темно-красного, коричневатого оттенка. Куски прилегали плотно один к другому, прикрепленные кнопками. На одном из них были вделаны или приклеены куски оконного стекла,

воспоминание о бомбардировке итальянской авиацией Лутеуи 3. 6. 1940 г. Стенную роспись описанного стиля А. М. называл своими «конструкциями». Он вообще питал большое пристрастие к графике, и «конструкции» удовлетворяли его эстетические вкусы, украшая в то же время «кукушкину» и придавая ее общему виду очень своеобразные черты, которые как-то согласовались, может быть, благодаря зеленой окраске, со всей необычной гирляндой, веревкой с подвешенными на ней, как у колдуна, всякого рода страшными безделушками и вешицами неизвестного для профана назначения. Не хватало лишь пучков каких-нибудь целебных трав и лягушечьих косточек, чтобы почувствовать себя в гостях у чародея, ласково всех принимавшего и смотревшего из-за очков с еле уловимой иронией.

Что «кукушкина» производила какое-то таинственное впечатление своим убранством, свидетельствуют французские репортажи (еженедельник «Nouvelles Littéraires», левая газета «Combat» и т. д.).⁴²

А. М. принадлежал к тому разряду русских писателей, которые, начиная с А. С. Пушкина, оставили нам рисунки на полях рукописей, подобно Виктору Гюго, обладавшему настоящим талантом рисовальщика. Более того, А. М. является автором целого ряда альбомов с рисунками.⁴³ Их продажа была для него известным подспорьем для всегда хромавшего бюджета. Самая значительная часть таких альбомов, насколько я знаю, находится в коллекциях С. Лифаря.⁴⁴ За годы моего знакомства с А. М. чем он нарисовал несколько десятков иллюстраций к «Мелюзине», «Тристану и Изольде»⁴⁵ и т. д.

Теперь мне остается сказать о лицах, посещавших А. М., оживлявших своим присутствием «кукушкину». Мой перечень, разумеется, будет весьма поверхностный. Более полный список — «когда-нибудь монах трудолюбивый...» сможет составить, используя записи в «золотых книгах». О них было выше.

Назову главным образом нескольких русских писателей и поэтов: Б. К. Зайцев,⁴⁶ приходивший из соседнего пригорода — Boulogne, дружески относившийся к А. М. и помогавший устраивать его статьи в газете «Русская мысль»; они часто вспоминали Москву первых годов их выступлений на литературном поприще; Шмелев, живший тоже на улице Буало; его я встречал у А. М. во время гитлеровской оккупации и с удовольствием слушал его русскую речь, хотя не одобрял его сотрудничества с оккупантами.⁴⁷ Одно время часто бывал у А. М. сибиряк, инженер-химик,

Пантелеймонов, оставивший две-три книги недурных бытовых рассказов.⁴⁸ А. М. выправляла пантелеймоновский текст на свой лад, а когда Пантелеймонов показывал его И. А. Бунину, тот вычеркивал «ремизовщину», бывшую ему не по вкусу. По этому поводу упомяну, что Бунин как-то зло обмолвился о А. М. — «Ремизова любят те, кто не знает русского языка».⁴⁹ Известна, однако, и оценка Алексея Толстого (1942): «Всем, что я знаю по русскому языку, я обязан Ремизову».⁵⁰ Регулярно, по воскресеньям, навещал А. М.-ча В. Н. Емельянов, автор «Романа Собаки», живущий рядом, на rue d'Auteuil.⁵¹ Всю неделю Емельянов зарабатывал на жизнь утомительным физическим трудом в каком-то предприятии по изготовлению красок. Бывал иногда у А. М. писатель Л. Ф. Зуров, влюбленный в свою родную Псковщину, о которой он говорит в своей прекрасной книге «Отчина».⁵² Не следует забывать «африканского доктора», Унковского, тоже причастного к литературе, а также А. П. Струве⁵³ (сына П. Б. Струве⁵⁴ и отца Никиты А. Струве, ассистента на кафедре русского языка университета в Бордо).⁵⁵ А. П. Струве хорошо знаком всем русским парижанам как библиофил, обладатель редких русских изданий, принимающий заказы по их розыскам. Он был очень полезен А. М.-чу, доставал для него нужные книги. Тут же следует назвать, в этой же области, Бутчика,⁵⁶ библиотекаря Institut d'Etude Slaves, составителя весьма полезной библиографии русских авторов, переведенных на французский язык, постоянно им дополняемой. Забегал к А. М. его друг по Берлину, музыковед П. П. Сувчинский, евразиец.⁵⁷ Часто приходил Спаский,⁵⁸ специалист по церковным вопросам (А. М. ими всегда интересовался, чему доказательством является его книга о Николае Чудотворце;⁵⁹ он знал все праздники и святцы). Бывал и А. Г. Савченко, сотрудник «Русских новостей» (Дедов).⁶⁰

Из поэтов на первом месте упомяну маститого С. К. Маковского (ремизовская кличка — «копытчик»), бывшего издателя «Аполлона»;⁶¹ В. А. Мамченко,⁶² одного из постоянных воскресных посетителей, очень симпатичного и талантливого; он приходил вместе с художником Сосинским (кличка «барон»).⁶³ Из поэтов назову С. Ю. Прегель (одно время издававшую сначала в США, потом в Париже, журнал «Новоселье»);⁶⁴ упомянутую выше Горскую;⁶⁵ жену В. Н. Емельянова, О. Н. Можайскую;⁶⁶ Аллу Головину.⁶⁷ Приездом из Англии посещала А. М.-ча почтенная Ариадна Тыркова-Вильямс.⁶⁸

Несколько особое место в этом перечне следует отвести Наталии Владимировне Кодрянской.⁶⁹ Главным образом сказочница, она была внимательной ученицей А. М.-ча и, благодаря финансовому положению ее мужа, одновременно его меценаткой. Но

Н. В. Кодрянская живет в США и в Париже бывает только наездом. Тут не место вдаваться в рассуждения о причинах положения в разные эпохи русской эмиграции в Париже. Хочется только упомянуть И. С. Тургенева, являющегося как бы провозвестником литературной эмиграции. Им была создана библиотека, носившая его имя, бывшая культурным центром для русских до расхищения ее гитлеровцами.⁷⁰ Куда они ее увезли, мне неизвестно.

Из нерусских друзей, знакомых, а то просто случайных визитеров прежде всего выделяю особо милейшего графа Иосифа Чапского,⁷¹ поляка, поклонника А. М-ча, по профессии давнишнего парижского художника, сподвижника генерала Андерса и автора трогательной книги «Ziemia Nieuludzka», переведенной по-французски («Terre inhumaine»). Трогательной, так как она повествует о русско-польских отношениях сороковых годов, в Отечественную войну, участником которых являлся ее автор. Чапский весьма объективно излагает эпопею польских вооруженных сил, оказавшихся в Северной России и готовившихся, как предполагалось, бороться совместно с советской армией против гитлеровских захватчиков, но вместо этого попавших, очевидно по воле Сталина, в положение почти что военнопленных в Средней Азии, откуда им в конце концов удалось выбраться через Персию на соединение с западными союзниками, вместе с кем поляки отличились главным образом в Италии, при взятии неприступной вражеской позиции Monte Cassino. Описывая все перипетии безрезультатных переговоров с советскими военными властями, не скрывая испытанной им горечи от всего пережитого, Чапский в то же время отмечает положительные стороны советской действительности — богатство и организованность библиотек, человеческое отношение в госпиталях. Он был для этого как нельзя лучше подготовлен, так как их имение находится в Минской губернии⁷² и он окончил гимназию в С.-Петербурге, а в русской, варшавской, эмиграции был хорошо знаком с Философовым⁷³ и вообще отлично разбирался в русских литературных и общественных течениях. Он, между прочим, написал очень вдумчивую и прочувствованную статью о А. М. в польском парижском журнале «Kultura». Чапский познакомил А. М. с стихами польского поэта Норвида,⁷⁴ о котором мы плохо осведомлены.

Тут приходится к слову сказать, что А. М. питал особое расположение к полякам, хотя и не знал их языка. Его знакомство с ними восходит к ссылке в Усть-Сысольск и Вологду, где среди сосланных у А. М. были знакомые поляки, мастеровые.⁷⁵ Говорил со мною

А. М. также о Савинкове⁷⁶ и Каляеве,⁷⁷ русских из Варшавы, возненавидевших царский гнет благодаря нелепой политике русификации.

Когда я думаю о дружеских отношениях А. М. и Чацкого, мне невольно припоминается другой пример, знакомство Пушкина с Мицкевичем. Дело не в «старинном споре славян между собой». Родившись по месту службы отца (родом петербуржца) в Польше, имея со стороны матери (яркой православной белоруской, уроженкой Вильно) родственников поляков, окончив гимназию в Варшаве, где нас сажали в карцер за разговор по-польски с товарищами, вспоминая расправу полиции и казаков с манифестантами 3 мая (годовщина последней польской конституции до раздела),⁷⁸ — я очень болезненно отзываюсь на польско-русскую вражду, взаимное недоверие, не хочу говорить — ненависть. Мне всегда казалось, что мы можем сговориться и понять друг друга, если найдем в себе достаточно сообразительности и желания забыть прошлое и перестанем прислушиваться к напентываниям тех, кто придерживается принципа *divide et impera*.⁸ Славяне, я уверен, выйдут на широкую дорогу истории, если прекратят свои распри и будут опираться в политической и культурной плоскости на то, что их сближает и роднит, а не «на» то, что их разделяет и восстанавливает друг против друга.

Ярким доказательством возможности русско-польского сговора для меня служат поляки типа Чацкого или Ледницкого⁷⁹ и русские, как Герцен, которые, оставаясь преданными своему народу, готовы протянуть дружескую руку соседу к соседу.

Так или иначе, повторяю, А. М. любил поляков, как и его жена, урожденная литвинка, Довгелло,⁸⁰ от которой мне досталось полное собрание сочинений Мицкевича. Добавлю, что А. М. находил в стиле Бестужева-Марлинского польское влияние. Довольно, впрочем, может быть, о славянстве (по-болгарски мы с А. М. читали серьезное профессорское исследование о богумильстве; меня оно интересует отзвуками иранского дуализма, через манихейзм). Упомяну все же навестившую как-то А. М-ча молодую чету. Он — американец, студент Колумбийского университета, подготовлявший диссертацию о Блоке,⁸¹ она — словенка, изучавшая Тургенева. Фамилии не помню.

Обращаюсь к французам, у кого мы, беженцы, нашли приют и возможность свободно говорить и писать о чем угодно, при единст-

---

⁸ «разделяй и властвуй» (лат.).

венном условии — не вмешиваться в французскую политику, что вполне понятно. У А. М. в французской писательской среде было много добрых друзей, ценивших его талант. Когда он был еще здоров, то встречался со многими из них на ежегодных светских приемах у госпожи Barbara Church (австриячки, американки по мужу)⁸² в ее богатой пригородной вилле, в частности с сотрудниками самого феешенебельного издательства «Gallimard» («Nouvelle Revue Française» и др.) — Arland,⁸³ Paulhan, Price-Pavain (знающий русский язык). Этих литературных «вельмож» я в «кукушкиной» не видывал, но познакомился у А. М. с Marcel Brion⁸⁴ (не то ирландского, не то шотландского когда-то рода), писателем тоже крупного калибра, получившим, между прочим, миллионную премию принца Монакского. У Бриона был общий с А. М.-чем интерес к немецким романтикам, с Новалисом во главе. Он принадлежит к тем немногочисленным французским литераторам, которые не замыкаются в своей национальной сфере, но считают, что и иностранные писатели заслуживают внимания. У Бриона очень широкий писательский диапазон. У него есть исследования исторические, например о Спартаке; музикологические — о Шумане; фантастическая повесть на тему о городе в Средней Азии, засыпаемом песками; туристическое описание Умбрии; ряд романов. Брион написал о А. М. большую статью в строгом, несколько старомодном журнале «Revue des Deux Monde».⁸⁵ Его жена имеет какое-то отношение к России, кажется через своего деда. По крайней мере она развлекала нас, припоминая слышанные ею в детстве русские слова. Она занимается историей искусства и что-то уже опубликовала (о Сезанне?). Как все люди, зарабатывающие во Франции на жизнь пером и словом (без так называемого *second métier* — какой-нибудь платной синекуры), Брион много трудится: радио, газеты, издательства.

Другой французский писатель (и в то же время чиновник в *Ministère de la Santé Publique*), любивший бывать у А. М.-ча, по фамилии Guigues, итальянского происхождения, гораздо менее плодовитый и известный, нежели Брион, хотя его произведения издаются у Gallimard, что немногим удается. Чаше, чем сам Guigues, почти еженедельно приходила его жена, итальянка, с немецким именем Emma, безвременно скончавшаяся. Очень милая, молодая еще сравнительно (хотя уже бабушка) женщина. Ее смерть всех нас глубоко опечалила. Emma Guigues имела немало знакомых среди издательств. Она делала все возможное, чтобы устраивать рассказы А. М.-ча. Жили Guigues в Passy, квартале, примыкающем к нашему Auteuil. У дома Бальзака, внизу, на глухой улочке Berton имеется

межевой камень, с надписью около него, что тут проходила граница между Seigneuries d'Auteuil et de Passy.

Говоря о статьях А. М-ча, попадавших в французские журналы, уместно назвать тут нескольких дам, занимавшихся переводами его вещей. Писательницу, корсиканку, M-me Bonielli-Vallécalle, Анну Михайловну, по-ремизовски, с которой сотрудничала Елена Александровна Costes (урожденная Холмогорова), по кличке «черпа»,⁸⁶ лекторша русского языка в Школе восточных языков (из-за напыля учащихся там теперь два преподавателя русского языка и шесть или больше лекторш; самой старшей была г-жа Кончаловская, чуть ли не сорок лет учившая в Школе, скончавшаяся в 1957 г.). Г-жа Costes переводила также с помощью M-me Vassole, знакомой, директорши лицея. Особо следует, конечно, назвать Наталию Викторовну Резникову (урожд. Чернову).⁸⁷ Она не только переводчица автобиографической повести А. М. «Подстриженными глазами», изданной по смерти А. М-ча у Gallimard, но в последние годы его жизни ухаживала за ним, как любящая дочь, и ведала его перепиской и архивом, который А. М. ей и завещал. Он знал ее еще ребенком в России. Ее сестра, близнячка, замужем за Владимиром Андреевым, сыном Леонида Андреева, служащим в секретариате ООН.⁸⁸ Присяжным переводчиком А. М. был, как известно, Jean Chuzeville,⁸⁹ по прозвищу Chanoiné, знавший его еще по Москве. Но Chuzeville уже много лет как оставил Париж и живет в Риме. Когда он бывал у А. М., то мастерски готовил на кухне, надевши фартух, вкусные блюда. От его воспитания в семинарии у Chuzeville сохранилась какая-то, я бы сказал, вкрадчивая споровка католического pater'a. Профессор Pierre Pascal (женат на русской, автор исследования об Аввакуме, его докторская диссертация)⁹⁰ захаживал от времени до времени, любил беседовать с А. М. на русские, литературные и языковые темы. Но он слишком занят делами своей кафедры в Сорбонне, где подготавливает кандидатов на так называемую agrégation (соответствует как-то советской кандидатуре?), чтобы бывать чаще. К А. М-чу охотно приходила литературная французская молодежь. Назову, например, Bisiaux. Он начинает уже приобретать писательское имя, но в те годы он с ему подобными были еще робкими дебютантами, им издавался пупленький, никому, вероятно, не известный, журнальчик по названию «84»,⁹¹ которое соответствовало номеру дома, где он жил, на L'Île Saint Louis, в самом сердце Парижа, неподалеку от Notre Dame. Журнал был полон самых передовых образчиков дерзающей прозы в духе, напоминающем декадентов и символистов. Глава последней школы, Supervielle,⁹² был знаком с А. М-чем, питавшим некоторую

слабость к символизму. Припоминаю еще французского молодого поэта с неожиданно русско-татарской фамилией Ибрагимов,⁹³ студента-медика, приехавшего с женой, школьной учительницей, тоже не чуждой поэзии, из Sainte Genéviève (местечко в окрестностях Парижа, где Русский Дом признания и кладбище, населенное уже, если можно так выразиться, многими громкими и менее звучными именами).⁹⁴ Измаилов читал и подносил А. М-чу свои поэмы. Я забыл фамилию французского писателя, автора симпатичной книжки о Советской России под заглавием «Mon ami Vassia». Он описывает в ней среду рудокопов Донецкого бассейна, куда он попал по недоразумению после занятия Советской Армией Румынии, где он был журналистом.

Прежде чем расстаться с французской писательской братией, хочу отметить, что А. М. высоко ценил любовное отношение, своего рода инетет, французов к родному слову и тщательную литературную обработку, шлифовку, по смыслу и по звучанию. Это и есть, говорил А. М., настоящее *métier*, т. е. «ремесло», добросовестное выполнение своего дела. «Звучание» играло большую роль в литературной деятельности у А. М-ча. Кроме *métier* А. М. оценивал по содержанию, по смыслу — *sensibilité nouvelle* — новое восприятие, новая чувствительность, по-новому отзывающаяся на выдвигаемые теперешними условиями жизни вопросы. Но выражение «социалистический реализм» было непонятно А. М-чу, как он не понимал также, почему его кое-кто причисляет к «формалистам».

Итальянский специалист по России, проф. Ettore Lo Gatto,⁹⁵ бывая во Франции, всегда заглядывал к А. М-чу, подносил свои труды и был его настоящим другом. Закончу мое очень, повторяю, беглое описание «кукушкиных» посетителей группой лиц восточных. Среди них фигурировал японец, профессор русской литературы в Токийском университете; писатель-армянин Месроп, поклонник Советской России (в его очередном романе героем был попавший ребенком к бедуинам — во время паславственного переселения армян турками в войну 1914—1918 гг. — юноша, выросший среди арабов, но в зрелые годы почувствовавший себя армянином, и т. д.), и приведенный мною мой старый приятель Абд-оль-Хусейн Санати Задэ Кермани, автор ряда исторических романов.⁹⁶ После интересной беседы мы втроем ходили сниматься к фотографу на rue d'Auteuil (у него сейчас в витрине хороший большой портрет А. М-ча). Любопытнее всего, однако, не эта фотография с А. М-чем и Санати Задэ, дорогое воспоминание, но неожиданный и смутивший добрейшего А. М-ча жест писате-

ля-перса, поцеловавшего при прощании его руку. Санати Задэ объяснил мне, что в его глазах А. М. является как бы шейхом (старцем, главою) дервишеского ордена!

Отреченность от мира сего, приличествующая мистика-дервишу, стремящемуся к слиянию с Божеством, поразила моего тегеранского друга при виде того, что, когда мы пошли к фотографу, А. М., уходя из квартиры, оставил дверь незапертой (как он это обычно делал, после того как, однажды, вернувшись, не мог, без помощи слесаря, открыть дверь...) ⁹⁷

Как я указываю в начале данного описания, не будучи литературным критиком, я не ставил себе задачей оценку творчества А. М. В ожидании надлежащего труда на эту большую тему, сошлюсь на статью Чапского в журнале «Preuves» ⁹⁸ и введение М. Arland к французскому переводу «Les yeux tondus». Кроме того Н. В. Резникова имела в виду издать посмертный сборник, содержание которого А. М. наметил еще при жизни, ⁹⁹ тогда как перу Н. В. Кодрянской принадлежит книга «Беседы с А. М. Ремизовым», имеющая вскоре появиться. ¹⁰⁰ Что же касается «кукушкиной», то мне хотелось просто дать некоторое представление об обстановке, в которой жил и работал А. М.

Mortcerf, 17. 6. 1958.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буало Никола (1636—1711) — французский поэт, критик, теоретик классицизма.

² И. А. Бунин жил в квартале Отей на ул. Жака Оффенбаха в доме 1 с 1922 г.

³ Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус переехали в Париж из Варшавы в октябре 1921 г. и жили на ул. Колонель Бонне, в доме 11-бис в Пасси.

⁴ И. С. Шмелев (1873—1950) в описываемый период жил в Париже на ул. Буало, в доме 91. О нем см. главу «Центурион» в кн.: *Ремизов А. М.* Мышкина лудочка. Париж, 1953. С. 151—158.

⁵ Марк Александрович Алданов (наст. фам. — Ландау) (1889—1957) — писатель, автор исторических романов, сотрудник «Современных записок», «Иллюстрированной России» и других эмигрантских журналов и сборников.

⁶ Н. Д. Авксентьев (1878—1943) — один из лидеров партии эсеров, министр внутренних дел во Временном правительстве, в 1918 г. член Директории, избранной на Уфимском совещании; в 1920—1940 гг. один из редакторов журнала «Современные записки».

⁷ М. В. Вишняк (1883—1976) — член партии эсеров, один из редакторов журнала «Современные записки». Автор мемуаров «„Современные записки“: Воспоминания редактора» (Indiana Univ. Publications, 1957).

⁸ М. М. Винавер (1862—1926) — один из основателей кадетской партии, депутат 1-й Государственной думы, председатель Еврейского историко-этнографического общества. Редактор журнала «Звено». Автор мемуаров «Недавнее. Воспоминания и характеристики» (Париж, 1926).

⁹ Серафима Павловна Ремизова-Довгелло умерла 13 мая 1943 г.

¹⁰ Об И. Н. Суханове см.: *Ремизов А. М. Мышкина дудочка*. С. 48—53.

¹¹ Владимир Николаевич Унковский (1888—1964?) — литератор и беллетрист, врач по образованию. Был знаком с Ремизовым еще в 1910-е годы, являясь почитателем его творчества (см. его письма к Ремизову за 1915—1919 гг.: ИРАИ, ф. 256, оп. 3, № 214). Под именем «африканского доктора» выведен в мемуарных книгах Ремизова; см., например, главу «Золотые туманы» в книге «Встречи. Петербургский буерак» (Paris, 1981). Автор романа из эмигрантской жизни «Перелом» (Париж, 1934), путевых заметок об Африке «В мире экзотики. Из личных впечатлений» (Числа. 1934. № 10. С. 265—270), юбилейной статьи о Ремизове «А. М. Ремизову — 80 лет» (Возрождение. 1957. № 66. С. 32—57).

¹² Фотография (1956 г.) воспроизведена в книге Н. Кодрянской «Алексей Ремизов» (Париж, 1959. Между С. 96 и 97).

¹³ Об этом эпизоде см.: *Ремизов А. М. Мышкина дудочка*. С. 124—128.

¹⁴ Об «Обезьяннопале» см.: *Ремизов А. М.* 1) Ахру. Повесть петербургская. Берлин; Пб.; М., 1922; 2) Взвихренная Русь. Париж, 1927. См. также: *Гречишкин С. С.* Царь Асыка в «Обезьяньей Великой и Вольной Палате» Ремизова // *Studia Slavica*. Budapest, 1980. Т. 26, № 1—2.

¹⁵ Николай Николаевич Евреинов (1879—1953) — режиссер, драматург, историк и теоретик театра. В «Обезьяньей палате» имел знак «комедианта». По воспоминаниям Ремизова, «Евреинов бесподобно читал на вечерах „Кикимору“ <...>, передавая задор и жуль ее „га“ и „ха“» (*Ремизов А. М. Мышкина дудочка*. С. 42; см. также с. 33—41 и др.). На смерть Евреинова Ремизов откликнулся статьей-некрологом «Потихоньку, скоморохи, играйте (о Н. Н. Евреинове)» в газете «Новое русское слово» (1953. 1 ноября) (включена в кн.: «Встречи. Петербургский буерак»).

¹⁶ Г. Чижов имел знак «обезьяньего куафера». О нем см.: *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания об Ал. Ремизове. Berkeley, 1980. С. 100—101.

¹⁷ Николай Иванович Ульянов (1904—1985) — историк, писатель, публицист, автор исторического романа «Атосса» (1952), рассказов, статей на философские и литературные темы (см.: *Ульянов Н. И.* Диптих. Сб. статей. Нью-Йорк, 1967; 2) Скрипты. Сб. статей. Ann Arbor, 1981), ряда исторических исследований. Две статьи, посвященные творчеству Ремизова, вошли в сборник «Свиток» (Нью-Хэвен, 1972). О нем см.: Отклики. Сб. статей памяти Н. И. Ульянова. Нью-Хэвен, 1986. Эпизод, описанный в «Воспоминаниях», отражен Никитиным в записной книжке: «Блины с кетовой икрой, что Ульянов прислал из Монреаля, селедкой, сметаной и топленым маслом — были выше всякой похвалы» (запись от 4 марта 1954 г.).

¹⁸ Антонина Алексеевна Гривцова (псевд.— Антонина Горская; 1893—1972) — поэтесса, автор стихотворных сборников «Раздумья» (Париж, 1938), «Тревога» (Париж, 1947), «Ограда» (Париж, 1960); ею написана статья «Памяти А. М. Ремизова» (Возрождение. 1968. № 193).

¹⁹ О последних часах жизни Ремизова рассказано Н. В. Резниковой в книге «Огненная память».

²⁰ См., например, письмо Ремизова от 20 октября 1955 г. к В. Ф. Маркову в США: «Как я ни зарюсь, а вынужден отказать — не посылайте мне съедобного соблазна — пошлина меня задушит. Лучше вложите в письмо сколько-нибудь, а я куплю необходимое в Париже» (*Wiener Slawistischer Almanach*. 1982. Bd 10. S. 429—430), а также письмо от 24 октября 1955 г.: «Приношу мою благодарность за чай и

сахар, хлеб и кофий и натканные в посылаку „шкурки“: приготавливаюсь к койцу ноября к встрече таможенника-почтальона» (Ibid. S. 430).

²¹ С Л. И. Шестовым (1866—1938) Ремизова связывала многолетняя дружба, начавшаяся в Киеве в 1904 г. Он являлся постоянным персонажем автобиографической прозы Ремизова и его снов. См.: *Резникова Н. В.* Огненная память. С. 86—87. Ремизовым была написана статья-некролог «Памяти Льва Шестова» (Последние новости. 1938. 24 ноября; см. также: *Ремизов А. М.* Встречи. Петербургский буерак. С. 267—269).

²² См.: *Ремизов А. М.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 314—320.

²³ Ср. у Н. В. Резниковой: «Под лампой — Фейерменхен, матерчатый человек, гном или клоун <...> в черном колпачке, с грустным и ласковым взглядом. Фейерменхен — дух огня, от него свет и тепло» (*Резникова Н. В.* Огненная память. С. 32). Ср. рассказ Ремизова: «В Берлине первым появился *цверг* — *Feuermännchen*, и он вызвал ко мне целый мир ни на что не похожих, загадочных существ» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов.* С. 120).

²⁴ В Берлине Ремизовы прожили с августа 1921 по ноябрь 1923 г.

²⁵ Н. В. Кодрянская (1904—1983) — детская писательница, ученица Ремизова, его друг и доверенное лицо. В предисловии к «Сказкам» Кодрянской (Париж, 1950) Ремизов писал: «Сказочником не делаются, а рождаются. Заглушить в себе охоту сказывать нельзя. И невольно потянет сказывать на новый лад старое сказанное, или подхватить, как песню, и ее разделить по-своему. Так случилось со мной после моей „Посолони“, я перешел к сказочным материалам, я прислушивался к голосам из веков и продолжал эти голоса, наполняя своим» (с. 12). См. также его рецензию на книгу Кодрянской под заглавием «Дар сказывания» (Грани. 1953. № 18). По мнению Ремизова, «душа Кодрянской овевана сказкой <...> Сказки Кодрянской — поэзия и волшебство. Ее глаз проникает в жизнь вещей» (*Кодрянская Н.* Сказки. С. 15).

²⁶ Ср. описание внешности Ремизова у Кодрянской: «...нос чайником, вздернутый над ярким, большим лягушечьим ртом» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов.* С. 11—12).

²⁷ *Кодрянская Н.* Глобусный человек. Сказочное путешествие. Иллюстр. Ф. Рожанковского. Париж, 1954. Ремизов сообщал В. Ф. Маркову: «А в „Глобусном человеке“ вы узнаете меня — так зорка рука художника Рожанковского» (*Wiener Slawistischer Almanach.* Bd 10. S. 442).

²⁸ После осуществленной Ремизовым обработки апокрифов и «отреченных повестей» у него сложилась репутация в литературных кругах как о «дьяволопоклоннике». Ср. также замечание Н. И. Ульянова о Ремизове: «О черте он во всяком случае знает больше, чем о Боге» (*Ульянов Н.* Свиток. Нью-Хэвен, 1972. С. 56).

²⁹ Йезиды (езиды) — секта внутри ислама, к которой принадлежит большинство курдов. Религиозный культ иезидов содержит элементы зороастризма, иудаизма, христианства и ислама. Доктрина иезидов изложена в эзотерических «Книге откровений» и «Черной книге». См.: *Никитин В.* Курды. Пер. с франц. М., 1964. С. 324—329.

³⁰ О роли снов в формировании своей творческой индивидуальности Ремизов рассказал в книге «Иверень. Загогуины моей памяти» (Berkeley, 1986. С. 22—24). См. также: *Кодрянская Н. Алексей Ремизов.* С. 122—124.

³¹ *Ремизов А. М.* Мартын Задека. Сонник. Париж, 1954. Толкование творчества Гоголя и Достоевского «сквозь призму сна» дано в книге Ремизова «Огонь вещей. Сны и предсонье» (Paris, 1954).

³² Шиизм — одно из основных наряду с суннизмом направлений в исламе.

³³ См. главы «Ремизовское „Бесовское действо“» и «Ремизов» в кн.: *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987.

³⁴ В эмиграции было издано 45 книг Ремизова.

³⁵ Об интересе Ремизова к изучению древнерусской литературы в СССР свидетельствуют его письма к В. И. Малышеву, опубликованные С. С. Гречишкиным и А. М. Панченко (*Ремизов А. М. Письма к В. И. Малышеву // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год.* Л., 1979. С. 203—215).

³⁶ *Ремизов А. Посолонь.* СПб., 1906. «Моя „Посолонь“ — ведь это не выдумка, не сочинение — это само собой пришло — дыхание и цвет русской земли — слова» (*Ремизов А. Иверень.* С. 25).

³⁷ См., например, книги Ремизова «Голубиная книга» (Гамбург, 1946; вышла без ведома автора), «Образ святого Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (Париж, 1931).

³⁸ См.: *Ремизов А. М. Пляшущий демон. Танец и слово.* Париж, 1949. См.: *Ремизов А. М. Письма к В. И. Малышеву.* С. 207 и след.

³⁹ Школа восточных языков (Ecole de Langues Orientales) в Париже основана в 1669 г. (в настоящее время — Национальная школа живых восточных языков); в программу изучения и преподавания входили не только языки Ближнего и Дальнего Востока, но и Восточной Европы, в том числе русский. С. П. Ремизова-Довгалло с 1924 по 1939 г. при курсе русского языка читала курс по славяно-русской палеографии.

⁴⁰ Буайе Поль (1864—1949) — французский славист; знакомство с ним Ремизова состоялось в 1910 г. (см. письмо П. Буайе к Ремизову от 21 июня 1910 г.: ГПБ, ф. 634, оп. 1, № 63).

⁴¹ Паскаль Пьер (Петр Карлович, 1890—1983) — французский славист, крупнейший специалист по допетровской Руси и, в частности, по творчеству протопопа Аввакума, почетный профессор Школы восточных языков (1937—1950) и Сорбонны (1950—1960). См.: *Водов В. (Wodoff W.). Пьер Паскаль [Некролог] // Труды Отдела древнерусской литературы.* Л., 1990. Т. 43. С. 434—436. Ремизовым было написано послесловие к статье Паскаля «По следам протопопа Аввакума в СССР» (*Русские записки.* 1939. № 18). О нем см. в «Мышкиной дудочке» в главе «Чудеса в решете» (с. 13, 15). Ученому принадлежат несколько статей о Ремизове (*Русская мысль,* 1968. 9 мая; *La Quinzaine Littéraire.* 1978. № 285). Ср. рассказ К. Померанцева о выступлении П. Паскаля на вечере памяти Ремизова: «Паскаль «говорил» о корнях ремизовского языка. Это было нечто необычайное: не только эрудиция, но и тончайший анализ своеобразия литературного явления, не отделимого от сущности содержания и личности автора» (цит. по: *Ремизов А. Иверень.* С. 363 (примеч. О. Раевской-Хьюз)).

⁴² По свидетельству Н. Резниковой, в 1947 г. в газете «Combat» появилась статья М. Арляна «Птица Ремиз». См. также: *Arland M. L'écrivain russe Remizov continue à tisser ses rêves // Figaro Littéraire.* 1954. 23 janvier.

⁴³ В конце 1933 — начале 1934 г. в Праге Н. В. Зарецким была устроена выставка, на которой экспонировалось свыше тысячи рисунков Ремизова. См. также: *Slobin G. The Writer as artist // The Catalogue of the Exhibition of Aleksei Remizov.* Amherst, 1985.

⁴⁴ Сергей Михайлович Лифарь (1905—1987) — танцовщик и балетмейстер, автор монографии «История русского балета. От 17 в. до „Русских балетов“ Дягилева» (Париж, 1945), коллекционер. О нем см.: *Ремизов А. М. Пляшущий Демон.* С. 27—28.

⁴⁵ Мелюзина и Брунцвик. Париж: «Оплешник», 1952; Тристан и Изольда. Бова Королевич. Париж: «Оплешник», 1957.

⁴⁶ Борис Константинович Зайцев (1881—1972), эмигрировавший в 1922 г., поселился в Булони.

47 В годы оккупации Парижа И. С. Шмелев сотрудничал в коллаборационистских изданиях.

48 Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888—1950) — писатель, автор сборников рассказов «Зеленый шум» (Париж, 1947), «Звериный знак» (Париж, 1948). О нем см.: Ремизов А. М. Мышкина дудочка. С. 132-150; Резникова Н. В. Огненная память. С. 101. По словам Ремизова, «Бунин, как и Шмелев, появились после смерти Серафимы Павловны. Шмелев приходил редко. А Бунин приходил с Пантелеймоновым: Пантелеймонов приносил водку и закуски, мы обыкновенно сидели на кухне. Говорил Бунин, уничтожая Достоевского. Да и Гоголю попадало: лубок» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 118).

49 О сложных отношениях Бунина и Ремизова см.: Кодрянская Н. В. Встречи с Буниным // Литературное наследие. М., 1973. Т. 84, кн. 2. С. 342—348. Ср. суждение Ремизова в письме к В. Ф. Маркову от 10 июля 1956 г.: «Был еще фрукт — Бунин, хорошо описывал погоду и памятаивый на мужицкие выражения — „русский стиль“» (Wiener Slawistischer Almanach. Bd 10. S. 436).

50 По свидетельству Н. Резниковой, эти слова были сказаны А. Толстым И. Чапскому в Ташкенте в 1942 г. и приведены последним в книге воспоминаний «Terre inhumaine» (Paris, 1949) (см.: Резникова Н. В. Огненная память. С. 65). См. также: Czapsky J. Rencontre avec Remizov // Preuves. Paris, 1954. № 42. P. 33.

51 Виктор Николаевич Емельянов (1894—1963) — писатель, автор романа «Свидание Джима» (Париж, 1964) и др.

52 Леонид Федорович Зуров (1902—1971) — писатель, автор сборника рассказов «Отчина» (Рига, 1923), романов «Древний путь» (Париж, 1934), «Поле» (Париж, 1938) и др.

53 Алексей Петрович Струве (1899—1977) — библиограф.

54 Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — социолог, экономист, литературный и общественный деятель, редактор журнала «Русская мысль» (Пб., 1907—1918; София, 1921; Прага, 1922—1923), в годы эмиграции — газет «Россия» (1927—1928), «Возрождение» (1925—1927), «Россия и славянство» (1928—1934).

55 Никита Алексеевич Струве (род. 1931) — славист, профессор Сорбонны, специалист по русской литературе XX в. Автор мемуаров «Встречи с писателями. 1. Ремизов. 2. Бунин» (Вестник русского христианского движения. 1971. № 100. С. 306—309).

56 В. В. Бутчик — библиотечкарь Института славяноведения при Парижском университете.

57 Петр Петрович Сувчинский (1892—1983) — музыковед, один из лидеров евразийского движения, входил в редакцию ряда евразийских сборников «Исход к Востоку», «На путях», «Евразийский временник» и др., являлся соредактором журнала «Версты». В одном из своих писем к Кодрянской Ремизов отмечал: «Меня всегда радует П. П. Сувчинский: с ним в кукушкину входит музыка» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 43). См. также: Ремизов А. М. Неизданный «Мерадог». Публикация Антонеллы д'Амеали // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1987. № 3. С. 246.

58 См., например: Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. (По современным мнениям). Париж, 1951. См. о нем: Ремизов А. М. Мышкина дудочка. С. 150.

59 К образу Николая Чудотворца Ремизов обращался не однажды. Посылая В. С. Мирялобову «николаину притчу» «Золотое стремя», Ремизов сообщал: «До чего хороши и теплы народные былички о батюшке Николае Угоднике Милостивом!» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 998, л. 6; письмо от 4 января 1916 г.). См.: Ремизов А. Николаины притчи. Пг., 1917.

60 А. Г. Савченко (псевд. — А. Дедов) — журналист, в издательстве «Опасник» взял на себя обязанности корректора. См.: *Ремизов А. М.* Письма к В. И. Малышеву. С. 204–205, 212. На смерть Ремизова Савченко откликнулся статьей в газете «Русские новости» (1957. 6 декабря).

61 Сергей Константинович Маковский (1877–1962) — поэт, художественный критик, мемуарист, редактор журнала «Аполлон» (1909–1917). О нем см.: *Ремизов А. М.* Мышкина дудочка. С. 44–45.

62 Виктор Андреевич Мамченко (1901–1982) — поэт, автор стихотворных сборников «Тяжелые птицы» (Париж, 1936), «Звезды в аду» (Париж, 1946), «В потоке света» (Париж, 1949), «Земля и апрель» (Париж, 1951), «Воспитание сердца» (Париж, 1964) и др. О нем см.: *Ремизов А. М.* В розовом блеске. С. 314–315.

63 Владимир (Бронислав) Брониславович Сосинский (1903–1987) — художник и литератор, муж младшей сестры Н. В. Резниковой — Ариадны. О нем Ремизов писал в 1952 г.: «Бронислава Сосинского знаю с 25 лет [...] До войны Сосинский помогал мне в моих работах. Более образцового секретаря не умею кого назвать, а корпилью над буквой считай подавляю [...] Чем я ему за его труд платил? Да моей работой: мое словесное — его страсть, стало быть, никакой и самой благородной валютой не покрывается» (ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 4. № 26, л. 1).

64 Софья Юльевна Прегель (1897–1972) — поэтесса, автор стихотворных сборников «Разговор с памятью» (Париж, 1935), «Попадь» (1939), «Берега» (1953) и др. В 1942–1950 гг. — редактор и издатель журнала «Новоселье». Была чтицей у Ремизова в 1954 г. Ср.: «Путешествие послов XVI—XVII вв. читает Софья Юльевна Прегель — лучший из моих чтецов» (*Кодряжская П.* Алексей Ремизов. С. 43).

65 См. примеч. 18.

66 Ольга Николаевна Можайская (наст. фам. — Емельянова; род. 1896) — поэтесса, автор поэмы «Разлука и верность» (Париж, 1963) и статей о творчестве Н. Оцуца, А. Лхматовой, М. Цветаевой.

67 Алла Сергеевна Головина (урожд. бар. Штейгер; 1909–1987) — поэтесса, участница стихотворных сборников «Круг», «Якорь» и др., автор сборника «Лебединая карусель» (Берлин, 1935).

68 Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962) — писательница, общественная деятельница, член кадетской партии. Автор мемуаров «На путях к свободе» (Нью-Йорк, 1952). Сотрудничала в газете «Северный край» (Ярославль), куда Ремизов посылал свои произведения. Ей принадлежит рецензия на книгу Ремизова «Подстриженными глазами» (Возрождение. 1952. № 24).

69 См. примеч. 25.

70 О русской библиотеке в Париже см.: Русская общественная библиотека им. И. С. Тургенева. Сотрудники, друзья, почитатели. Paris, 1987 (рецензия: Вопросы литературы. 1988. № 9).

71 Иосиф (Юзеф) Гутен-Чапский (1896–1993) — художник-авангардист, литератор. В 1942 г. был сотрудником штаба генерала Андерса в Янги-Юле под Ташкентом. После окончания войны вместе с другими офицерами и солдатами армии Андерса был лишен польского гражданства и с тех пор поселился в Париже. Отрывок из книги Чапского «На жестокой земле», повествующей о встречах с А. А. Лхматовой в Ташкенте, опубликован: *Ахматова Анна.* Requiem: В 5 кн. М., 1989. С. 170–174. См. о нем: *Резникова Н. В.* Огненная память. С. 101. См. также примеч. 50.

72 В имени Чапских «Морды» останаывались Мережковские в конце 1919 — начале 1920 г., по пути из Петрограда в Варшану.

73 Дмитрий Владимирович Философов (1872--1940) — критик, публицист, близкий друг Мережковских, вместе с ними 25 декабря 1919 г. покинул Петроград. Жил в Варшаве.

74 Норвид Циприан Камиль (1821--1883) — польский поэт, творчество которого получило признание в начале XX в. Ремизов писал В. Ф. Маркову 5 октября 1956 г.: «Когда выучите польский язык, обратите внимание на поэзию Норвида» (*Wiener Slawistischer Almanach*. Bd 10. S. 439). См. также: *Ремизов А. Иверень*. С. 200.

75 См.: *Ремизов А. Иверень*. С. 158--159 и др.

76 Б. В. Савинков (лит. псевд. -- В. Ропшин; 1879--1925) — один из главных руководителей боевой организации эсеров, прозаик и поэт, автор романов «Копь бледный» (1909), «То, чего не было» (1914) и др. Ремизов познакомился с Савинковым в вологодской ссылке. См. очерк о нем в книге «Иверень» (С. 264--272).

77 И. П. Каляев (1877--1905) — член боевой организации эсеров, непосредственный исполнитель террористических актов против членов царской фамилии. См. о нем: *Савинков Б. Воспоминания // Былое*. 1917. Кн. 24. С. 68--110. Ремизовым совместно с Каляевым был переведен этюд С. Пшибышевского «Госка» (см.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. Сост., подгот. текста и примеч. П. Альберта Енеена и П. У. Меллера. Copenhagen, 1976).

78 Имеется в виду конституция Речи Посполитой, принятая 3 мая 1791 г. В 1795 г. произошла третий, последний раздел Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией.

79 Ледницкий Вацлав (1891--1967) — известный польский славист, жил в США. См.: *Новый журнал*. 1967. № 89. С. 263--266.

80 О происхождении рода Довгело (исконное написание — Довкгело) см.: *Бунин-Ремизов Б. Б. Из воспоминаний о семье С. П. Ремизовой-Довкгело // ИРАИ*, ф. 256; оп. 2, № 54.

81 Речь идет о Ф. Д. Риве (F. D. Reeve), американском слависте, авторе монографии о Блоке «Alexandr Blok. Between Image and Idea», (New York; London, 1962). Согласно записям В. Никитина, он посещал Ремизова в марте-мае 1956 г. («Remizoviana. 1956», л. 7, 10).

82 Генри Чёч возглавлял журнал «Mesures», где печатался и Ремизов. См. главу «Гиппопотам» в «Мышкиной дудочке» (С. 167--171).

83 М. Арлян с 1953 по 1977 г. совместно с Ж. Поляном издавал журнал «La Nouvelle Revue Française». Автор статьи о Ремизове в газете «Combat» и предисловия к французскому переводу повести «Подстриженными глазами», вышедшему в издательстве «Gallimard» в 1958 г. (перевод Н. В. Резниковой). Им написан некролог Ремизову в журнале «La Nouvelle Revue Française». См.: *Резникова Н. В. Огненная память*. С. 129.

84 Брион Марсель (р. 1895) — французский писатель, автор ряда книг и эссе на музыкальные, исторические, искусствоведческие темы. Ремизов сообщал В. Ф. Маркову в письме от 22 ноября 1955 г.: «О Моцарте вышла хорошая книга Marcel Brion, автор-о Шумане» (*Wiener Slawistischer Almanach*. Bd 10. S. 432).

85 См.: *Brion Marcel. Alexei Remizov // La revue des deux Mondes*. 1954. № 4. P. 726--736. В. Никитин в записи от 25 февраля 1954 г. отметил: «Очередная сенсация — статья Marcel Brion'a», в записи от 25 марта того же года: «Мнение о статье Brion'a А. М. Ремизова — „доброе известие“» («Remizoviana. 1954»: ИРАИ, ф. 256, оп. 2, № 41, л. 8, 11). См. также его статью к памяти Ремизова в газете «Le Monde» (1958. 25--26 March).

⁸⁶ Е. А. Холмогорова (Costes) участвовала в переводах произведений Ремизова на французский язык и пропагандировала его творчество, предлагая для экзаменов ремизовские тексты, что, однако, не всегда встречало поддержку французских русистов. См. запись Никитина от 4 февраля 1954 г.: «Холмогорова пишет, что для экзамена выбрали „Деревню“ Бунина, а не что-нибудь ремизовское. А. М. морщится, так как Бунин описывает деревню не существующую» («Remizoviana. 1954», л. 5). Ср. также запись от 25 марта 1954 г.: «Предадали „В розовом блеске“ — 2 члена комиссии, а А. Mason — против — „областной язык“» (там же, л. 11 об.)

⁸⁷ Наталия Викторовна Резникова (урожд. Колбасина, удочеренная В. М. Черновым) — близкий друг и душеприказчик Ремизова, переводчик его произведений на французский язык, автор мемуаров «Огненная память».

⁸⁸ В. А. Андреев (1902.—1976) — поэт, прозаик и мемуарист, муж сестры Н. В. Резниковой — Ольги; в 1957 г. вернулся в СССР. См.: *Андреев В.* История одного путешествия. М., 1974.

⁸⁹ Шюзевиль Жан — поэт, критик, переводчик русской литературы. В 1912 г. приехал в Россию. См.: Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 200—201. См. его работы о Ремизове: *Chuzeville J.* 1) *En guise de preface // Sentiers vers l'invisible.* Tr. J. Chuzeville. Paris, 1945; 2) *I miei ricordi su Remizov // Giovedì.* 1953. 8 janvier. В «Мышкиной дудочке» Ремизов называет его «большим знатоком и любителем античного искусства» (с. 41).

⁹⁰ См. примеч. 41.

⁹¹ Журнал «84» за 1949 г. был передан Н. Кодрянской в Рукописный отдел Пушкинского Дома. На обратной стороне обложки — автограф Ремизова: «Тут мое китайское из книги „Les yeux Tondu“» (ИРАИ, ф. 256, оп. 2, № 125). В номере помещена глава «Китай» («Chinois») из книги «Подстриженными глазами».

⁹² Сюпервьель Жюль (1884—1960) — французский писатель, автор стихотворных сборников, рассказов, романов.

⁹³ Первоначально было «Измаилов», далее не исправлено. О ком идет речь, установить не удалось.

⁹⁴ В Сент-Женевьев де Буа находится русское кладбище, где похоронены И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и другие русские эмигранты. А. М. Ремизов умер 26 ноября 1957 г. и, согласно его желанию, похоронен в той же могиле, где покоился прах его жены, на кладбище Банье в Париже.

⁹⁵ Ло Гатто Этторе (1890—1983) — один из ведущих зарубежных славистов, переводчик, исследователь и пропагандист русской литературы. В 1930-е годы приехал в СССР. Был лично знаком со многими русскими писателями. См.: *Lo Gatto E.* I miei incontri con la Russia. Milano, 1976; *Studi in Onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver.* Roma, 1962; *Studi in Onore Ettore Lo Gatto.* Roma, 1980. О посещениях им Ремизова см. в записях Никитина: «Remizoviana. 1956», л. 2—3, 7. Ло Гатто принадлежит несколько статей о Ремизове. См.: *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov.* Etablie par H. Sinany. Paris, 1978.

⁹⁶ Санати Задэ Кермани Абд оль-Хосейн (1885—1973) — персидский писатель, автор первого исторического романа на персидском языке «Расставители тенет, или Мстители за Маздака» (1925—1926), приключенческих повестей («Повесть о художнике Мани» и др.). См.: *Бертельс Е. Э.* Избр. труды. История литературы и культуры Ирана. М., 1988. С. 367, 372.

⁹⁷ Ср. описание этого эпизода у Н. В. Резниковой: «Однажды он (В. П. Никитин) привел своего друга, персидского поэта, и они вдвоем пошли к фотографу, чтобы сняться. Поэт потом написал Ремизову, что его поразило, что А. М., выходя, не

запер своей квартиры, а оставил ее открытой „подобно келье дервиша“ на случай прихода друзей» (Резникова Н. В. Огненная память. С. 100).

⁹⁸ И. Чапский в статье «Rencontre avec Remizov» (Preuves. 1954. № 42. P. 33, 35; здесь же воспроизведен портрет Ремизова работы Чапского) писал: «Проза Ремизова кажется сложной, но не связью обычных слов, а живой тканью, осязаемой всеми нашими чувствами <...> Даже знакомясь с лучшими переводами Ремизова, понимаешь, что Ремизов непередадим, настолько вес его слов, их плотская чувственность связаны с самим духом его русского языка, на котором он говорит с загадочным пиететом». О чтении Чапским своей статьи Ремизову см. запись Никитина от 18 февраля 1954 г.: «Чапский был в субботу, читал А. М. статью, написанную о нем для „Preuves“. Это приблизительно то же, что польская статья в „Kultura“» («Remizoviana. 1954», л. 7 об.).

⁹⁹ Имеется в виду сборник А. М. Ремизова «Павлиньим пером».

¹⁰⁰ Речь идет о книге Н. Кодрянской «Алексей Ремизов» (Париж, 1959).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

В. П. НИКИТИН

Объяснительное слово к «Суфийной мудрости»

Те, кому дорога память А. М., кто ценит его творческое наследие, все, что обрисовывает его литературный облик, будут признательны Н. В. Резниковой за ее чисто дочернее усердие, проявленное для посмертного издания книги, содержащей между прочим и «Суфийную мудрость», о чем он говорил с ней всего за несколько дней до кончины.

А. М. имел в виду мое предисловие о суфийстве, чем вызваны настоящие строки. Я считаю нелишним высказаться в них о нашем общем интересе к Востоку. Мои замечания облегчат, может быть, впоследствии задачу литературоведов, когда они встретятся с восточными отзвуками в сочинениях и архиве А. М.

Хотя он там никогда не бывал, А. М., не боюсь ошибиться, один из редких русских писателей, чувствовавших и любивших Восток. Стоило лишь посмотреть на него самого, на черты его лица, на тубетейку, чтобы понять его влечение к московской, полуазиатской Руси. Отсюда и близость его к евразийству, отвечавшего ему тем же. Его упоминание о происхождении матери, крестьянки из села Батыева. Мое толкование его фамилии от арабского слова — «рамз», т. е. «тайна», было приятно А. М. Он ведь не то тибетский лама одного из его рассказов, не то суфийский старец-шейх. Таким признал его приведенный мною к А. М. мой тегеранский друг, писатель Санати Задэ, поцеловавший руку смутившемуся А. М. Есть фотография, где мы сняты втроем.

Впервые прозвучавшая в русской художественной прозе «Суфийная мудрость» сообщалась ему мною на основании исследования современного персидского мыслителя Хасана Казем Заде Ираншехра. За исключением замечательного коротенького рассказа о «Хромой мышке», заимствованного мною из «жития» суфийского шейха в Ардебиле Сафи-эд-Дина, родоначальника первой национальной династии Сефевидов (III—VII вв.) в Персии, под заглавием «Сяфват-ос-Сафа́» («Чистота чистот», т. е. чистейшая чистота, сочинение XIV в.) — она не исчерпывает содержания наших с А. М. восточных бесед и занятий. Мы читали «Повесть о семи мудрецах», восходящую к индийскому оригиналу, изучавшуюся специалистами, — Срезневским, Веселовским, Буслаевым. Знакомились с «Калидой и Димпой» в издании широко известного арабиста И. Ю. Крачковского. А. М. извлек из этих басен повесть «Стефанит и Ихнелат» (по славянской, через Византию, версии) и сказку о черепахе и утках (персидская версия — «Анвар-и-Сохэйли»). А. М. очень ценил восточную образность в этой сказке. В тихой заводи две утки подружились с черепахой. Когда вода стала иссякать, утки собрались улететь. Черепаха взмолилась. Утки взяли ее с собою, «она» уцепилась ртом за палку, подхваченную ими. Но вопреки условию рта не раскрывать, не удержалась, увидев людей, удивлявшихся внизу, раскрыла рот (чтобы объяснить им), упала и разбилась. В арабских касидах поэтов Шанфара (доисламского периода) и Мутанаббия (X в.) образы еще красочнее и сильнее.

В переписке Москвы с Крымом (XV—XVI вв.) мы любовались сочным русским языком, не искаженным позднейшей неметчиной. А. М. не мог с нею примириться. Хотели прочесть странствия Косьмы Индикоплова, путешествие Федора Котова а Персию, но, увы, это намерение не осуществилось. Зато я бережно храню «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, подарок А. М.

Я не успел ознакомить А. М. с главными персидскими поэтами-суфиями (Низамий, 1141—1203; Ферид эд-Дин Аттар, 1119—1230), хотя среди его бумаг находятся, вероятно, мой перевод знаменитой пантеистической поэмы Джалаль-эд-Дина Руми (1207—1273) «Кто я?» и стихотворение современного поэта Мохаммеда Икбала из Лагора. Оно очень понравилось А. М., и он изложил его по-русски.* К 70-летию А. М. я поднес ему не-

---

* Мой дословный перевод: «Долина (мистической) любви далекая и долгая. || Но столетний путь совершается иногда в одно мгновение. || Продолжай стараться и не выпускай из рук полы надежды. || В конце пути иногда обретешь богатство». (Примеч. В. П. Никитина).

сколько четверостиший Омар Хайяма (умер 1123) в персидском начертании, с переводом. Джемаль Задэ, мой дорогой друг, прекрасный писатель, прислал А. М. к его 80-летию стихи из «Гулистана» Саадия (1184—1291). А. М. в свое время по моей просьбе послал Джемаль Задэ «La Taison Bourkov», за что тот его очень благодарил, по-французски.

Перейду, однако, к суфийству (или суфизму?), о чем тут главным образом речь. С моей стороны было бы ошибкой спугнуть читателя нагромождением восточных имен и выражений. Ограничусь необходимым.

Термин «суфи», т. е. «сермяжник» (суфии ходили в рубище), появляется около половины VIII в. в Сирии, где тогда был основан первый мусульманский монастырь. Это слово обозначало правоверного монаха-мусульманина, соблюдающего сунну (традицию; изречения первых халифов), умерщвляющего плоть. Как все религиозные движения, суфизм проходит через ряд этапов в его развитии. Хасан Басрийский (642—728) являлся действительным основателем исламского монашества. Участие женщин вносит в мистицизм необходимый элемент любви: Рабия, современница Хасана (ум. в 753 г.). Передвигаясь на Восток, суфизм на персидской почве приобретает некоторый оттенок ереси. Персы, обращенные в ислам силою меча, никогда не переставали чувствовать связи с Индией, с буддизмом. Так или иначе, к началу X в. мы видим в суфийстве три течения: 1) суфий — правоверный мусульманин-аскет (Бишр Босоногий, ум. в 841 г., и др.); 2) аскет-мистик (Зу-н-нун и др.); 3) сознательный пантеист (аль-Бестахий, казнен в 873 г.; Халлядж, казнен в 912 г., и др.). В течение X в. суфизм развивается в двух основных направлениях: 1) западном, арабском (правоверные мистики-деисты); 2) восточном, индо-персидском (мистики-пантеисты). Это различие ощущается до наших дней, но все же мистицизм служит связующим звеном. Важнейшие дервишеские ордена возникли в период XII—XIV вв. (Кадирийе, Рафайие, Мевлеви, Шазели, Накшбэнди и др.).

Теология восточного суфизма — обыкновенное пантеистическое представление о Боге: он есть во всем, он содержится в мире и мир в нем. Мир есть эманация божества и имеет лишь призрачное существование («Майя»). Его разнообразие — обман чувств. Мир един, как едино божество. Оно разлито в мире в виде божественной Души («психэ» неоплатоников), и в человеке есть ее часть. Высшее счастье человека — отрешиться от своего «я», погрузиться в созерцание божества (таухид), расплыться в нем (фэнá) и воссоединиться с ним (иттихад). Для достижения этого идеала

суфии должны пройти четыре постепенные стадии (маназилъ): шариат --- закон; тарика́т --- путь (в нем самое существенное: выбрать старца --- шейха, сделаться его послушником --- мурид'ом --- и под его руководством убивать волю и личность, не рассуждая о приказах шейха, углубляясь в себя, размышляя о божестве), и, наконец, путем экстаза --- халь --- суфий доходит до третьей стадии --- маарифа́т --- познание (суфий становится ариф'ом, познает единство вселенной в Боге, призрачность мира, равенство религий, добра и зла). До четвертой стадии --- хакика́т --- истина --- удается дойти лишь немногим: созерцание Божества, пребывание между бытием и небытием.

Читатель не посетует на меня за эти подробности, когда узнает, что А. М. считал необходимым во всех вопросах по возможности «доходить до точки» (см. его работу о св. Николае). Не забудем, что у нас, в России, Шамиль воевал во главе послушников --- муридов, что царствующий теперь в Ливии Эмир Мохаммед Идрис Сенуси является главой ордена его имени, что в Турции запрещенное дервишество ушло в подполье, что в Персии мы с ним сталкиваемся на каждом шагу и т. д.

10.2. <19> 58.